
Книга
Мировоззрений
Сказка о начале

Андрей Авдусь

Книга мировоззрений: Сказка о начале

https://litres.ru/74751078
SelfPub; 2026

Аннотация

Две руки. На одной хна, на другой металл. Две истории, которые пока не дописаны.

У Лидии и Алекса одна задача: собрать свою историю по фрагментам и узнать, чего она стоит. Хна, которую наносит мастерица мехенди, и редчайший, почти мифический металл, который кузнецы закрепляют на коже, хранят каждый найденный кусочек. Получить его — значит оказаться там, куда разумный человек добровольно не полезет.

Миры здесь не похожи друг на друга: у каждого свои законы, свои взгляды на жизнь, свои социальные системы. Что-то напомнит наш мир, что-то нет. А герои идут дальше, потому что остановиться — значит оставить историю недописанной.

Приключенческое фэнтези о стремлении, оптимизме и силе воли. Первая книга цикла.

Книга мировоззрений: Сказка о начале

Предисловие

Это маленький мир, в котором, как и в реальном, не бывает совпадений. Это серия наблюдений за собой, окружающими людьми и происходящими событиями. Не обошлось без предположений, сослагательного наклонения и доли выдумки, присущих художественной литературе. Если хорошо постараться, то можно найти точку отсчета, с которой все и началось, а уважаемому читателю предлагается вместе с персонажами произведений узнать, чем все может завершиться, будет ли какое-либо завершение вообще, или использовать воображение и создать свои картины, не похожие ни на что другое, близкие и понятные.

И в самой большей степени эти произведения, пожалуй, — попытка вырваться на свободу.

Наконец-то можно спокойно поесть. Везде чисто, расстановка продуманная и аккуратная. Каждый сотрудник на своем месте, улыбаются, конечно, как тут не заулыбаешься, окна во всю высоту помещения, и его так ярко и полно заливают

юные лучи. Они как бабочки-однодневки, научившиеся реинкарнации в самих себя. Терраса вся в зелени, но не чрезмерно — приятно освежает. Вечная дилемма, сесть внутри или на улице, оттуда дольше идти, если еще чего-то захочется, но и людей там обычно поменьше. В этот раз все решается быстро, заметила тихий уголок внутри, откуда все как на ладони. Пошустрее поставлю тарелку с чем-нибудь и стакан сока, займу. Завтрак-буфет включен в стоимость, всегда удача. И в этих четырех звездах не будут скупиться. Все безукоризненно свежее, до раздражения будоражащие аппетит запахи. И пищу продавать зрению они отлично умеют!

Первая тарелка пошла. Разнообразие колбас, вот такая выглядит необычно, ветчина, беру по кусочку, и к каждой свой сыр, стаканчик апельсинового фреша с мякотью, нельзя отказать себе. Все время немного беспокойное поглядывание в сторону примеченного угла, не дай бог, сядут раньше нее. Поставила на нужный столик, фух. Теперь пойду хорошенько присмотрюсь, наберу всего. И так уже объемся, но надо ж основное попробовать.

Следующая тарелка поменьше. Хотя они правильно не перегружают, день надо начинать так же легко, как вот эти самые лучи. Поджаренный бекон, можно немного, овощи, наберу разных по отдельности, салаты пропускаю. Омлет не хочу, сама сделаю вкуснее. О, а уверенность-то после всего еще со мной, можно бороться дальше. Тосты, масло, джем, не пойму из чего, но скоро узнаю. Не съем же. Ладно, поси-

жу чуть дольше. Возьму кофе, отнесу, и к десертам. Такие пирожные выглядят стояще, ну и вот эта корзинка. С жадностью брать точно нельзя, застряну на полдня, но должна же я теперь позволить себе перевести дух. Жаль, что нет восточных сладостей, даже парадоксально, что их нет. Парочка фисташковых квадратиков точно заставила бы забыться.

Множественные столики уже ожидали следующих раундов с постояльцами после тщательной уборки. Так много людей так рано просыпаются, уже закончили с завтраком, работа? Или так активно отдыхают? Зато что-то успеют, пока не слишком жарко. Интересно, во сколько ложатся спать — и вот это уже решительно запретная тема для размышлений. Лидия неторопливо скручивала рулетик из сыра и ветчины. Здорово, что человеческая мысль работает именно подобным образом, в голове в одно мгновение разворачивается целая эпоха событий, в то же время исключительно внимательному стороннему наблюдателю доступно ухватить только беглый взгляд, задержавшийся где-то вдали на доли секунды.

Вы когда-нибудь по-настоящему боялись темноты? Не той, которая бывает в комнате вашей квартиры или дома, когда вы в середине ночи добираетесь до туалета, выпив вечером больше чая, чем стоило бы. А обездвиживающей, неизвестной, отрезвляющей, но подавляющей тьмы, которая вытягивает ваше инстинктивное, природное, самое непреодолимое желание жить, такое, что берет контроль на себя, ко-

гда ваше сознание уже позволило ногам подкоситься, и вы переходите в состояние остолбеневшей добычи. Такая темнота ведет вас к еще одной стороне вашей личности, и от вас зависит, что это будет за сторона. Когда шум сзади стал нарастать, не шум, зловещий шепот, ясно выделяющийся в этой непроглядной какофонии шорохов, возможно, что вот это надсознательное или сверхсознательное, решайте сами, как точнее выразиться, несогласие быть съеденной заставило работать коленные и другие суставы. Казалось, паровоз набирает полный ход, и нельзя различить движение колес, только ритмичное мелькание сцепного дышла, так она стала перебирать ногами, дав себе шанс успеть.

Омерзительная, тошнотворная вонь, к счастью, ей тогда не представилось возможности понять, что порождало ее. А вот руки, беспорядочно шарившие вокруг в попытках дать какую-то подстраховку, позволяли угадать, что за представители членистоногих нашли тут для себя тихое местечко. Не белые и пушистые, хотя некоторые щетиной не были обделены. С пальцев на салфетку упало несколько крошек хрустящего тоста с джемом, все-таки смесь тропических плодов, слишком сладкий. И еще глоточек кофе, аромат втянула в себя аж до пяток.

Казалось, она дернула за эту ручку, которую чудом удалось нащупать, уже бесконечное количество раз. Дверь очень медленно поддавалась. Как же долго никто сюда не заходил? Открывайся! Напряженный выдох после очередного

усилия. Становилось ясно, что шепот теперь четко целился и ускорялся. Раз, два, скрип петель, мелкие осколки камешков были перемолоты дальше в пыль, она заскочила внутрь, уперлась правой ногой в стену, рывок двумя руками, свое привычное положение дверь заняла более охотно. Мощный центральный засов закрыт, контрольные сверху и снизу тоже, она развернулась, вскинула голову назад, полный вдох, сомкнутые с облегчением веки. Шепот стих. Надеюсь, он остался там навсегда.

Пирожное почти не надо было жевать, оно действительно таяло, крем отличался насыщенностью и не был навязчивым. Еще глоток кофе, в таком сочетании вовсе нельзя оторваться.

Она ожидала увидеть затхлую келью с кучей тлеющего хлама, но оказалась в просторном, хорошо освещенном зале. Здесь убирают ежедневно по расписанию? Мраморный пол, не скользкий, кто же все это содержит? Стены, огромный рисунок из плиток по всему периметру зала не затерся ни в одном месте, откуда тут азулежу? Хотя объяснимо, учитывая происхождение. Четыре каменные колонны в углах, одна по центру, там рядом с ней поднос? Она вышла в центр, на подносе у подножия центральной колонны лежала белая плитка, рядом стояла своеобразная чернильница с синей краской, набор дополнялся достаточно тонкой кистью. Да, я понимаю, но где? Она все еще не разглядела, что же дает такой яркий свет, но в текущей ситуации это было про-

сто делом любопытства, оно подождет или успокоится, а вот узор найти надо обязательно.

Иду за капучино и обратно, немного посижу, дальше корзинка, очень свежие фрукты в ней, и тесто на вид суховатое и рассыпчатое, вместе — заманчивое сочетание. Она рассматривала лица и повадки всех входящих, кто-то суетился, кто-то был даже слишком апатичен, они приехали изо всех уголков мира, но пока ни на одной значимой детали не удавалось остановиться.

Лидия уже прошла всю стену, от той стороны двери, где засовы входили в петли, до той, где крепились петли, на которых висели они сами. Да, произведение искусства, сложность и смысл интеллекту и воображению еще предстояло осознать. Но она так ничего и не заметила. На стенах его нет. Есть еще колонны. Она, крадучись, начала обходить центральную. Вдруг чуть выше уровня бровей как будто промелькнул лучик, отразившийся в осколочке зеркальца. Чуть-чуть назад, не приноровлюсь поймать. Сделала еще круг, вот снова. Эти проблески здесь не просто так. Еще круг, теперь она точно определила отражающийся поток солнечных частиц и зафиксировала на нем взгляд, стараясь не моргать. И ничего. Она уже точно наметила точку, куда смотреть, пробовала присесть, подняться на носочки, отклонять голову под разными углами, но безрезультатно. Отступила на шаг назад, строго по линии, еще назад, и лучик начал фокусироваться, как бывает, когда настраиваешь микроскоп или про-

ектор. Так, пятясь, она уперлась спиной в колонну слева от двери. Непосредственно в этой точке она ясно различила, как в фокусе этого луча рисунок мрамора приобрел четкий вид элемента узора. Ах, да! Не радуюсь заранее, но точно оно! Это не все, дальше проверю колонну, что сзади, и потом их все. Сейчас зарисую первый. В походном рюкзаке за спиной, с которым она не расставалась, нащупала маленький блокнот, вырвала листик, вот ручка. Она начала легонько выводить начертание на листике, но каждый раз, как заканчивала элемент, он исчезал с бумаги без следа. Да, плитка, краска, кисть. Так всегда, ну, если догадываешься, возьми сразу, зачем два раза работу делать, иногда хорошо, если два — это предел. Пришлось отойти от уже выверенной точки и взять все необходимое. Зная принцип, занять нужную позицию теперь было делом техники. Кисть, аккуратно обмакнутая в чернила, плавно скользила по плитке. Ничего не исчезло. Она, не спеша, обошла вторую колонну, вот нужная точка, теперь назад, спина почувствовала противоположную, все правильно. Второй элемент появился на плитке. Так, против часовой стрелки, она прошла оставшиеся колонны, от последней линия фокуса луча привела ее к центральной. Незакрытый конверт. Узор азулежу в ее руках заставлял ее саму сиять ярче любых лучей.

Скорее прочь. Когда она очень скрупулезно проходила каждый сантиметр стены, то по неровностям, выступам и немного более толстым швам рисунка поняла, что строго на-

против двери находится и выход. Хоть тут никто не заморачивался с выдумками. Она быстро обнаружила, на какую плитку надо нажать сильнее, чтоб привести механизм открытия в действие. Оглянулась, чтоб оставить еще одну фотографию этого зала целиком с другого ракурса в памяти. Перед ней был тоннель, образованный подземной рекой, неширокой, но, видимо, полноводной. Как же сыро! Да, под землей и в воде, логично. Если бы не озарение из зала, тьма снова поглотила бы ее. Можно было разглядеть символический причал, там лодка. Это было некое подобие дау, вместимостью на одного-двух человек. Не теряя ни секунды, она шагнула в лодку, отвязала ее и позволила течению управлять. Ничего другого и не оставалось, ни весел, ни руля. Но течение знало свое дело. В тоннеле становилось все темнее, она решила прилечь на дно лодки, мало ли что там свисает, и какой высоты будет потолок. Скоро лодку вытолкнуло в своеобразную заводь, и она уперлась в берег. Вероятно, дальше река нашла себе ход на еще более глубоком уровне, она не вела на поверхность. Лидия выпрыгнула на берег. Песок был влажный и плотный. Метрах в пятидесяти впереди сверху прорезалось дневное сияние. Можно было идти, карабкаясь по глыбам, как по ступенькам, она добралась до отверстия. Сплетение каких-то наполовину высохших корней, ветки. Камень под ногами давал запас высоты, чтоб можно было пробиться сквозь то естественное заграждение и вылезти по пояс. Сидя рядом с отверстием, она видела, как корни снова принима-

ют предыдущее положение, и проход затягивается так, как будто ничего и не было. Прямо у ее спины было то ли карликовое дерево, то ли куст, а вокруг еще сотни таких разбросанных по пустыне. Отойдя на сто шагов, отыскать в аккурат этот куст уже было бы невозможно в этом ландшафте, вдобавок, они еще начали хаотично перемещаться, меняясь местами, как напёрстки кидалы-профессионала. Хорошо, так хорошо. Она встала и отряхнулась. Быстро нырнула рукой в отделение рюкзака, убедилась, азулежу с ней. А вон и дорога, машины частые, значит, до города недалеко.

Конечно, крошки пирожного-корзинки хрустят на зубах совсем не так, как песок пустыни, но незапланированный глоток капучино, смягчить их, вызвался сам собой. Обернувшись, она поняла, что пробыла тут уже долго, лучик поднявшегося солнца, ловко проскочивший над верхушками оазиса террасы, заставил ее зажмуриться. Лидия достала футляр с солнцезащитными очками, моветон ли надеть их прямо в помещении — не важно, нет желания щуриться. Когда она засовывала футляр обратно, прохлада плитки пробежала по пальцам.

Пройдя мимо ресепшена и через обе пары автоматически открывшихся дверей, она оказалась у центрального входа в отель. Жара и отсутствие надежды на тень ждали ее уже через считанные метры. Преодолев два-три квартала, необязательные крюки, чтоб перейти дороги по правилам, все же построено для машин, Лидия оказалась у ближайшей станции

метро. В этот раз она поехала в женском вагоне. Над такими явлениями, как это разделение, обычно ничуть не задумываешься. Воспринимаешь как данность. Почему есть этот вагон, ну, автоматически, религия. Может, это уважение, или все-таки углубляющаяся дискриминация? Забота и желание защитить, или банальная ревность и отправляющее на дно тщеславие? Я выберу желание защитить и создать комфорт. Вот только почему изначально возникает необходимость защищать? Зеркальные колоссы растут до фантастических высот, а индивидуальный уровень развития личности, да и коллективные проявления тоже, так ниже плинтуса и остался. Есть пища поразмышлять, и вот этим хобби она часто занимала себя в очередях, транспорте, везде, где выпадало время, когда делать ничего и не получится, а провести его надо, но лениво рассматривать мелькающие небоскребы и торговые центры тоже очень актуальное занятие. На следующей выхожу, еще недолго на автобусе и на месте.

Уже минут через двадцать — двадцать пять она сняла сандалии, решила пойти непосредственно по пляжу, спустилась к водичке, потому что по всей протяженности песок уже был раскален, наступать голой ступней невозможно, сразу кричишь и бежишь, неважно куда. Эта бухта создана идеалистически правильной по форме, и весь антураж вокруг переносит на хорошего уровня средиземноморский курорт, а во многом тут и получше. Быстренько искупаться? Водичка чистая и теплая, так и манит. Потом, нежелательно задержи-

ваться сильно, опаздывать некрасиво. Она дошла до противоположной стороны пляжа, не полностью надев сандалии, добежала до крана, смыла песок и направилась по твердому покрытию к улице с различными заведениями преимущественно общественного питания.

Лидия была сыта, но устоять перед самим блинчиком, клубникой, нутеллой, взбитыми сливками сил не было. Она заняла столик на улице и ждала заказанное блюдо. Сидя спиной к кафе, все подходы просматривались отлично. И вот знакомый силуэт, я волновалась, поторапливалась, а она слишком вальяжно движется.

— Привет, извини, если задержалась.

— Все в порядке, я недавно пришла, жду заказ. Вам ничего не брала, не знала, чего захотите.

— Пить очень хочется.

Свежесть бодрила от одного вида ее коктейля.

— Хочешь попробовать?

Я хочу весь его залпом, или целиком нырнуть в него, а вслух вежливо:

— Спасибо, с удовольствием.

После нескольких аккуратных глотков через пеструю трубочку Лидия убедилась в том, что будет пить тут при повторном визите.

— Рада, что тебе так понравилось.

Даже не буду уточнять, как она это, на лице ж и тени не проскочило.

— Вы в своем репертуаре. Обсудим, что дальше?

— Сложно было? – Она неспешно тянула коктейль. – Расскажи, пожалуйста, все по порядку. Как ты нашла вход? Я в полной мере могу представить, что ожидало тебя.

Уверена, она не просто может представить, она сто процентов знала заранее, что там, повис вопрос, на какой исход она ставила. Тем временем принесли блинчик.

Когда она подносила ко рту вилку с кусочком лакомства, тщательно вымазанного в шоколадном креме со взбитыми сливками и укутанной клубничкой, он жадно глотал воздух, как особенно вкусный десерт, а не привычную смесь газов, которую не замечаешь, но без которой и не существуешь.

И без шуток, воздух тут отличался. Кроме того что он приобрел аромат, трудно поддающийся описанию, оттенки соленого морского ветра вперемежку с вишней, нотками апельсина и чая, начавших цвести лип, ненавязчивая дымка от костра с готовящимся на нем мясом и еще множества, в том числе неизвестных, запахов, которые переносили во все закоулки памяти и фантазии одновременно, так атмосфера в этой местности еще и обладала странными физическими свойствами.

Весь регион создавался горной цепью, не слишком высокой, но уже такой, что и впечатлит видами. Климат был умеренный, в среднем преимущественно тепло, тысячи видов растений, неизмеримая глубина зелени. Горы располагались

по обе стороны вереницы долин, надежные природные стены. Если бы можно было посмотреть на них сверху, но предпочтительно со значительного расстояния, то они были бы похожи на гигантскую ложку, наполненную вареньем из киви с тонкой линией голубоватой гравировки на всем протяжении. Долины соединялись между собой широкими дорогами, которые проходили вдоль реки, начинавшейся где-то далеко и убегавшей потом еще дальше. Молочная зелено-лазурная вода была очень чистой, находясь вне дома, пили чаще всего прямо из реки, и глубина успешно маскировалась за безупречной прозрачностью.

Каждая долина была занята поселением, которые взаимодействовали между собой, как районы города, уж очень растянутого в длину. Дома везде строили из дерева и камня, привлекательно и сочеталось с пейзажем. Места хватало всем желающим, размеры дома, его вид и внутреннее устройство каждый выбирал по своему вкусу. Но всегда новая постройка становилась логичной частью уже существующего района так, как будто стояла там изначально. В целом, концепт гармонии нашел тут свое непосредственное практическое выражение. Местные, не нарушая баланса, осторожно вписали себя в поток жизни-времени этой не ими созданной системы. Несмотря на очевидную простоту, минимализм их быта и привычек, тут было одно из самых технологически развитых мест на планете. Энергию они добывали, не нанося вреда среде, отдавали ее обратно так же. Говорят, давно

их предки разведали долины и решили остаться. Это была группа передовых по взглядам на существование людей для той эпохи. Они знали меру во всем, это было одним из их значимых отличий. Их общество ушло сильно вперед благодаря этому. В современности большая часть планеты приближалась к их уровню, но исключительно потому, что другого сценария не было, а они и рады были делиться. Он успел услышать несколько рассказов из истории этого мира и точно решил, что пройдет хотя бы сокращенный курс целиком. Он вернется, и чтобы пожить, как местный, прочувствовать всю эту выверенность меры, когда нет нужды торопиться, нет места неуверенности, а есть открытые возможности и поддержка.

Жители называли эту местность Зеленое Сердце. Они также переносили это название и на всю планету. В разных ее частях оно уже тоже прижилось и быстро распространялось. На подлете сюда, когда Лавине Пустыни одобрили запрос на посадку, Саша не испытывал страха, хотя, может, и должен был, учитывая предыдущий опыт. Ему было очень любопытно. По трапу после приземления спускался все-таки осмотрительно, мало ли что. Никакой встречающей делегации, подчеркнуто никого. И правильно, все построено, настроено, организовано. Если есть багаж, то вот куча транспортировщиков. Есть вопросы, автономные информационные системы тебе в помощь, общаются не хуже ведущих вечерних шоу. Пойти не туда или заблудиться, приложив ста-

рания, не удастся. Зачем же тратить полезное время человеческой жизни, и дело не в вежливости или невежливости, а в восприятии меры и ценности поистине важных вещей. Дружелюбие и гостеприимство не обязаны быть помпезными и размашистыми, чтоб быть искренними. Площадка для кораблей находилась прямо у основания гор. Он шел не более десяти минут до ближайшего входа в долину. Тут была разработана не совсем тривиальная система пропуска. Входящий сканировался, считывались, как позже ему доходчиво объяснили, импульсы подсознания, активность мозга во всех зонах, определялся «потенциал» личности, и выносилось решение о допуске в долину. В скале была отчетливо обозначена раздвижная каменная дверь. Он остановился на отмеченной точке. Через мгновение обе половины двери разошлись в стороны, и гость разместился в комфортном и тотально чистом вагончике беспилотного подгорного метро, рассчитанного человека на четыре максимум, которое быстро домчало до нужного места в долине. По пути ему удалось осмотреться немного благодаря тому, что вагончик часто поднимался высоко над холмами или другими наземными препятствиями, придерживаясь наиболее прямого маршрута. По всему периметру горы, высотой около километра, почти замыкали почти правильный круг, создавая нишу с единственным естественным выходом, который занимала преимущественно река. Долина была густо засажена деревьями, лиственными, с преобладанием дубов, кленов, и всевозможными ви-

дами елей, собиравшимися в густые парки и даже лесочки. Ближе к горам в них уже не просматривались поляны, а в центре они доминировали, создавая впечатление сплошного гольф-клуба. Там у реки располагалась значительная часть поселения. Домов было на самом деле много, но везде между ними росли деревья, кусты, пробегали насыщенно зеленые дорожки, поэтому мегаполис по своей сути казался чуть ли не поселком. Визуально дороги явно не предназначались для колесного транспорта. Они были пешеходными, но асфальт не использовался: либо каменная брусчатка, либо просто травяные дорожки, либо глиняного цвета, но не грунтовые, пыли или грязи он не заметил, покрытие у них было особенное и, само собой разумеется, натуральное.

Многоэтажных построек не было, кажется, самые высокие не вымахали за пределы четырех этажей. Крыши чаще в темных тонах, на них, как правило, располагались зоны отдыха, также представляющие собой сады, почти поголовно обеспеченные бассейнами. Фасады по своему цвету очень сближались с окружающими деревьями, и вся застройка мало походила на рукотворную. Людей на улицах не заметишь, хотя, наверное, это время суток, которое считается разгаром дня. По редким прохожим, которых он успел разглядеть, нельзя было сказать, что их не выпускает бушующий водоворот деловой суеты. Они прогуливались в темпе отпуска.

Он сошел на изумрудную поляну, оглянулся, чтоб убедиться, нет, не показалось. Рельсов или чего-то подобного не

было, маршруты не предполагались, метро доставляло именно туда, куда хочется или необходимо. Вывод о том, что для перемещения на значительные расстояния они используют транспорт, движущийся над поверхностью, и так напрашивался.

Трое зеленосердечников, не выговоришь, интересно, как они себя называют, потому что моя версия, как сочувственный диагноз звучит, уже ждали его готовые и с еще одним комплектом снаряжения. Он улыбнулся и взмахнул им приветственно рукой. Легкая, открытая, располагающая улыбка была для них ежеминутным атрибутом. Каждый из них представился, но попытки задержать хоть одно точное имя в голове провалились с треском. Имена были составные, на слух очень похоже друг на друга, переспрашивать неудобно как-то, ладно: высокий, спортсмен, ну он явно тренируется, и шутник, потому что, когда они услышали, как меня зовут, он моментально сделал комментарий, от которого другие двое захохотали и еще продолжали подхихикивать.

Бодро следуя за ними к середине поляны, гость пытался понять, что предстоит делать. Он с любопытством рассматривал их одежду, что ж там в рюкзаках. Костюмы были похожи на вингсьюты, но без перепонок, и очень хорошо сидели на них, движения не стеснялись ничем. Остановились подальше от всего.

— Можно было и не идти сюда, прыгать сразу там, но ты новенький, всякое случается, – сказал спортсмен и начал до-

ставать из рюкзака еще один костюм.

Пока Саша его надевал, высокий достал и разложил своего рода крыло для параплана, рядом спортсмен раскладывал второе. Итак, таки летим. Но как? Моторов не было, равно как и ничего похожего на пусковые механизмы или ускорители. Костюмы из прочной ткани и два крыла. Не было и шлемов.

В древности, после самого открытия долин, жители обнаружили, что потоки воздуха ведут себя здесь особенным образом. При любых условиях, и в полный штиль, если человек готов лететь и понимает, что для этого нужно ветру, и дает это, то образовывается воздушный поток, который подхватывает незамедлительно и несет туда, куда направишь, и не отпускает, пока не достигнешь пункта назначения. Как оказалось, дать ему нужно крыло и смелость.

С каждой стороны крыла была ручка, чтобы держаться и управлять, очень эргономично ложилась в руку, о, да она сразу адаптируется под форму сжатой кисти индивидуально. Высокий и шутник заняли позиции. Крыло было растянуто между ними параллельно земле примерно на уровне пояса. От костюмов отходили страховочные тросы, они пристегнули свои недалеко от ручек, то же сделали и мы. Весь набор снаряжения непрерывно анализирует ход полета, состояние деталей и пилота, так выносятся заключения об аварийной посадке, освобождении троса или его удержании, экстренных маневрах, постоянная автоматическая помощь. Первые

двое приготовились, команда, синхронное ускорение на секунду, оба прыгнули, ветер моментально подхватил их, и начался плавный подъем. Вот как раз сейчас он ощутил, какой этот воздух на самом деле, он неумолимо задыхался, наполняя свои легкие до отказа, не мог понять, это возвышающий порыв урагана или смертельный штиль, глоток, команда, не отстать, на этом шаге, прыгаем.

Надо открыть глаза, все в порядке, руки не чувствовали напряжения от веса тела, спортсмен держался одной рукой, как будто за верхний поручень в троллейбусе. Он плавно подруливал, направляя к дороге, ведущей из долины. Двое впереди, казалось, не делали движений дополнительно, а летели без отклонений.

При всей немыслимой развитости их общества, когда просто через пространственные порталы они перемещались к любой точке в любом районе, ни один местный не упускал возможности лучше полететь вот так. Этот традиционный вид транспорта был неотъемлемой частью каждого человека, но не существовало личных крыльев, только парные. Со времен покорения долин они при любом удобном случае с огромным удовольствием погружались в ребяческую радость полета, поэтому и теперь нередко среди гор образовывались многоуровневые, разнонаправленные и разноцветные полосы. А ведь всегда намного веселее разделить радость от холодка в животе, который дарят безграничные свобода и безопасность, с кем-то близким!

Саша доверился небу, спортсмену, своим эмоциям, тем, кто следовал навстречу или обгонял их, осторожно попробовал отпустить одну руку, но тут же вернул обратно, пока так. Скорость была приличной, и они не поднимались на серьезную высоту, подавляющая масса держалась от земли метрах в десяти-тридцати, как когда, единичные смельчаки проходили где-то там, в небе. Приблизились к выходу из долины, высокий с шутником уже скрылись за изгибом гор, поворот, и дальше полетели над рекой, а они уже оторвались, нам бы ускориться. Течение реки под ногами не было бурным, то там, то тут виднелись валуны, которые вода огибала, не вспенивая. Наверное, приятно было бы пуститься по ней вплавь, если не очень холодная. На берегах иногда попадались рыбаки, и по их виду и движениям становилось понятно, что интерес к улову чисто спортивный, они ж точно отпускают пойманное. На очередном порыве, которые использовались для смен высот, они поднялись буквально над всеми и начали заворачивать левее и еще по восходящей. Становилось менее людно, они удалялись от магистральных путей, горы вокруг все плотнее закрывали путь свету, тень перерастала в сумрак, но видимость сохранялась в пределах нормы. Надо быть особенно настороже: нельзя пропустить знак, никто из них не сможет определить место посадки, оно не привлечет их взгляд. Казалось, они планируют без продвижения вперед, Саша с долей волнения вглядывался в скалы с обеих сторон, шею энергично размял. И вот справа, чуть пониже

заметил скопление камней, не похожее на естественное. Да, нам точно туда. Он указал место спортсмену, тот окликнул остальных, начали аккуратное приземление. Очень напоминает Прекестулен, только округлой формы. Вблизи стало понятно, что площадка достаточно вместительная, и они не испытали трудностей, опускаясь на отточенно ровную платформу. Крылья лежали, они отстегнули костюмы. Еще сверху он заметил необычную структуру покрытия, но теперь вник и разглядел, что на самом деле, словно под прозрачным защитным слоем, на котором они стояли, происходила постоянная смена линий и элементов по всему диаметру. Местами какие-то картины проявлялись отчетливо, и уже шло кино. Банальные наскальные надписи тут на недосягаемом уровне, интересно, о чем это? Предостережение? В том месте, где площадка примыкала к скале, стоял своего рода алтарь, две колонны из абсолютно черного камня, изрезанные таким же орнаментом, как и пол, и тоже оживавшие периодически. Между ними на возвышении сантиметра в три стояло медное блюдце небольшого диаметра, не позеленело ни сколечко. Оно было неглубоким, наполовину заполненным розовато-белыми лепестками. И что, я должен определить узор на колоннах или на полу? Ума не приложу, с какой стороны тут начинать смотреть. Он еще крутился, всматриваясь вниз, какое-то время, остальные присели ближе к краю, что-то обсуждая и запоминая особенности рельефа этого сумеречного закоулка. Он старался установить какие-нибудь

закономерности меняющихся рисунков, минут через семь, когда спортсмен уже догрызал сочное желтое яблоко, даже на вид сладющее, не рыхлое, хрустело аж сюда, ему почудилось, что есть повторяющееся действие: указательный палец, совершающий круговые движения около лепестков. Когда вариантов нет, начинаешь пробовать и то, что изначально считаешь полным бредом. Он подошел к блюдцу, вытянул руку, выставил указательный палец и начал чертить круги над лепестками. Мне мерещится, или они зашевелились и взлетают. Усердно, ладонями, частями, где Венера и Луна, он протер глаза, вдавил их немного, постоял так, открыл лицо, палец над лепестками. На этот раз он стал активнее водить по кругу, и чем сильнее было ускорение, тем активнее отзывались лепестки. Они взлетали один за другим, образуя правильную окружность привлекательных тонов по ходу вращения. Он, как художественная гимнастка лентой, уже управлял этим лепестковым кругом. Те трое, как только поняли, что происходит, вскочили и находились в настороженном ожидании, подходя ближе по шажку. Саша еще отметил, что, когда начинает уводить круг дальше от алтаря, тот расширяется в диаметре и удаляется, продолжая расширяться, уже не подчиняясь ему, самостоятельно. При возврате к алтарю масштаб уменьшается и вращение стремится к покою. Терять нечего, попробую над обрывом, дальше отойти не получится, а похоже, что расстояние влияет. Он начал отходить спиной вперед к краю, делая медленный раз-

ворот лицом в том направлении, контролируя лепестки, как артист цирка тарелки на палочках. Диаметр уже достигал пары метров, а ветер вокруг усиливался, грозя снести их с этого уступа. Когда он остановился у обрыва, лепестки отделились, перестали подчиняться. Ветер прибил спортсмена к скале у алтаря, высокий и шутник еле успели зафиксировать свои страховочные шнуры на крыле, как их сорвало и понесло дальше вглубь этого каньона. Количество лепестков множилось с ростом диаметра окружности, поэтому она оставалась сплошной и уже гигантской, под стать этим горам. А он стоял, не шелохнувшись, в эпицентре бури, не смея оторвать взор, уже скоро. Розово-белое кольцо разорвалось, лепестки выстроились в явный узор, на всю ширину между грядами скал. Универсальный прибор не фокусировался на нем, сфотографировать было невозможно. Не мешкая, он достал шариковую ручку из кармана на груди, хорошо, что я понатыкал их везде, и зарисовал его у себя на левом запястье. Спрятал ручку, указал пальцем на узор и снова начал вращение, но уже в обратном направлении, лепестки расплели узор, окружность уменьшалась и приближалась. Они снова мирно украшали свое блюдце, а рядом на четвереньках переводил дыхание спортсмен. Показалось крыло унесенных провожатых, их помотало, но повреждений не было ни у кого. Они застали спортсмена заливающимся от смеха, то ли от нервов с благодарностью, что остался жив, то ли от эйфории налетевшего приключения.

Все четверо снимали костюмы там, где он впервые надел свой, дорога обратно была успокаивающей прогулкой. Новичок искренне благодарил их за помощь, они его за острые ощущения. Кстати, высокий и шутник заметили проход в горах, где они не бывали, и уже обсуждали, когда разведать его. Каждый из них крепко обнял его на прощание, подоспел вагончик метро. Лавина Пустыни, не торопясь, набирала высоту, готовилась перейти на крейсерскую. Он устроился поудобнее в кресле, ожидая всегда неожиданно поражающего сознание вида пространства вне миров. А точно ли надо торопиться?

Лидия закончила блинчик.

— Все, запью и расскажу.

Она не акцентировала внимание на том, как прилетела, поселилась в гостинице, обозначила сон, полноценно забыться не тянуло, и не было уже резона заставлять себя. Утром к открытию добралась до здания старого рынка, конечно, уже переделанного в модное туристическое место с завышенными ценами, в том числе и на хлам, и считаными кафе, не отталкивающими своей показательной надменностью. Быстро нашла нужный поворот, ведущий в тупик, куда не заглядывало ничто, кроме затерявшихся моющих машин. Поддела деревянную крышку на полу, которая казалась дешевым муляжом для придания правдоподобности интерье-

ру. Побыстрее преодолела не внушавшую доверия расхлябанную лестницу, ступила на слой пыли, на котором слишком давно не появлялось следов обуви, чтоб это прошло без последствий. Ничтожное физическое воздействие вызвало цепочку реакций, суть которых было несложно предвидеть в таком месте и при таких обстоятельствах. Она уверенно продвигалась вглубь, хотя уже фактически ничего не было видно. Внезапно перецепилась и упала, больно ударившись коленом. Хорошо, что в джинсах, чуть смягчили, но, наверное, разбила до крови. Лидия поднялась и двинулась дальше, но уже осторожнее, снова перецепилась, устояла на ногах, отшатнулась немного назад и в сторону и очень больно ударилась головой, ближе к виску, о каменный выступ. Она вскрикнула, и пока интенсивно чесала ушибленное место, корча никому не видные гримасы, услышала легкий шуршащий шум. Она зашла уже так далеко, что перемещаться можно было только на ощупь, прислушиваясь к чему-нибудь, что могло также указать путь. И вслушавшись в этот пока еще отдаленный шум, она поняла, что это мог быть не просто хаотичный набор звуков, он перетекал в зловещий шёпот. Нельзя медлить, обшаривая все стороны руками и ногами, она пошла вперед. Стало ясно, что уступы на полу, стенах, потолке здесь не случайны. Они были расположены с учетом особенностей движения человека так, чтоб причинить максимальный урон и боль, не дать дойти и уйти. Проход сужался, начинал давить и массой, и беспросветной тьмой.

Стены зашевелились, вторя нагонявшему шепоту, отвечая ему, призывая к себе. Она не могла пройти прямо, надо было втягивать живот и боком, но вот стало чуть пошире, и разящее зловоние самой застоявшейся канализации без предупреждения пустило ей слезу. Она уже осознанно смирилась с тем, что копошилось в волосах. Ужас, поглотивший Лидию, заглушал теперь и барабанный ритм ее сердца, кричавший прямо в уши: вы-жить, ид-ти, вы-жить, ид-ти.

Она встретила взгляд, нет, не безразличный к той пытке, но выразительно говорящий, что ну в итоге ж все хорошо закончилось. Да, концовка сложилась успешной, Лидия сидит тут. А если бы она промедлила? И это уже в который раз подобная история, всегда на волосок от. Что дальше?

— Тебе надо к мастерице, нанести его. – И это все, что ты можешь сказать?

— Я хорошо представляю, каково тебе, ты очень смелая, я не могу вмешиваться, но я могу понять тебя. – Две ровные струйки мультяшно устремились вниз по щекам Лидии, усталость, но и волю эмоциям она дала, склоняясь к радости, что вот съела этот блинчик в таком ухоженном беззаботном месте, которое нет никакого желания покидать.

— Лететь к ней не сразу, надо будет сделать остановку в Испании. – Дальнейшие инструкции были приняты к сведению, как звучавшие из фонового радио, утонувшие в очень высоком небе без облачка, в очень спокойной бухте, как с картинки.

Она заняла одиночное сиденье на пути обратно в отель. Снова вспоминала, как все начиналось, а тогда ли? До этого была другая жизнь, в прямом смысле.

Его голос засел в голове. Я бы, не переставая, слушала его, я так хочу снова встретить его. Она решила заскочить в супермаркет, дома было новое кино, захотелось чего-нибудь купить пожевать во время просмотра. Она, конечно, направилась в сторону сладостей.

Какие бы конфеты взять, эти, вроде ничего, и эти тоже… Она рассматривала полку, мало заботясь о происходящем рядом.

— Может, тебе подсказать, какие выбрать?

Она недоуменно посмотрела в сторону, откуда услышала голос. А она красавица, помечтать в её возрасте так выглядеть, хотя она, в принципе, молодая, просто очень солидная, и, наверное, серьезная. А голос, как и его, такой родной, но женский, естественно. Вслух она выдала:

— Что?

Женщина улыбнулась.

— Я просто предложила помочь в выборе, я часто покупаю конфеты, я сладкоежка, обожаю сладости, я пробовала все конфеты, которые тут продаются.

— Ну, тогда какие посоветуете?

— Вот у этих очень необычный вкус, очень нежный, после того как съешь такую конфету, кажется, что можешь всё, хочется приключений, ощущаешь глубину жизни, начинаешь

видеть сенс…

Эта женщина так увлекательно, захватывающе говорила, столько энтузиазма, она была воплощением совершенства и словно сияла. Она остановилась минут через пять, перед этим нарисовав в воображении девушки чуть ли не рай.

— Вы так убедительно говорите, я именно их и возьму. Спасибо за подсказку.

— Не за что. Знаешь, тут недалеко есть ещё один замечательный кондитерский магазинчик.

— Странно, я живу в этом районе, но почему-то не припомню ни одного.

— Да, его мало кто замечает, только те, кто ищет, либо уже находил его.

— Зачем мне его искать? Я могу купить свой любимый шоколад в любом супермаркете.

— Ты не хочешь ЭТО найти?

— Ну, я… что вы имеете в виду?

— Кондитерский магазинчик. — Даже костюм незнакомки загадочно улыбался. — Он станет твоим любимым, или уже…

— Я вас знаю?

— А ты себя знаешь?

— Я первая спросила.

Она разговаривала с советчицей так, как будто та была её давнишним другом или старшей сестрой, великолепный пример для подражания, такие правильные черты, безупреч-

ная фигура, а речь и манеры свидетельствовали о высокой образованности и уровне интеллекта.

— Нет, мы пока не знакомы.

— А как вас зовут?

— Так же, как и тебя.

— А отчество?

— Можешь просто по имени.

— А откуда вы знаете, как меня зовут?

— В твоей сумочке на журнале имя написано, решила предположить.

И действительно, спешила домой, забыла застегнуть молнию, а она наблюдательная.

— Хорошо, так где этот магазинчик?

— Ты уверена, что хочешь узнать?

— Да, я не сомневаюсь в этом.

Теперь знакомая подробно рассказала, как найти магазинчик, предусмотрительно график работы уточнила.

— Как захочешь чего-то настоящего, особенного, заходи туда.

— Спасибо за совет.

— Не время благодарить, потом.

— Мы ещё пересечемся?

— Мало ли.

— Я рада познакомиться с вами.

— Мне тоже очень приятно. Пока.

— До свиданья.

Она вышла из супермаркета. Вечер, который и до того был необычайным, к этому моменту уже успел превратить всё в сказку. Она пошла домой.

Шаг, ещё шаг, ещё… Ближе… Ещё очень далеко, но уже ближе… Навстречу… Домой? Сомневаюсь. Несомненно, навстречу друг другу.

Этот вечер сохранит всё от посторонних. Он за них, он не оставит их и подарит им единение, спокойствие и радость. Он сказка, его нет, и нет ничего, кроме него, он пришёл.

Уже на той же неделе, в субботу, Лидия последовала указаниям и обнаружила тот магазинчик, хотя миллион раз проходила рядом и не обращала внимания на него, откуда он тут. Колокольчик сообщил о ней.

А вот тут провальчик, скоро выходить уже, может, немного посплю, потом займусь билетами, жильем.

Она помнила, что, когда потом вернулась в сознание, то быстро поняла, что находится на борту самолета, уже, похоже, набравшего высоту. О том, что полет длится больше часа, говорили размер салона самолета и головы пассажиров на соседних креслах справа, расслабленно покачивающиеся от колебаний. След методично сползающей слюны на щеке одного из них был минимум получасовым. И они явно не стали бы засыпать, не дождавшись еды, а в таких самолетах кормили первый раз достаточно оперативно после взле-

та. Использованных контейнеров или стаканчиков не наблюдалось, значит, уже все было убрано. Это требовало определенного времени.

Ни паники, ни страха она не испытывала, но удивление подталкивало к действиям. Как я тут оказалась? Я ж без сторонних намерений пошла поискать тот магазинчик со сладостями. У него была такая необычная дверь, резьба и гравировки рассказывали всю историю мира, столько деталей, так мелко и тонко вырезанных, я ее саму минут пятнадцать рассматривала. Что же было там внутри? Так много всего, смешалось. А вот и бортпроводница, перехвачу ее, узнаю, откуда мне придется возвращаться домой.

Та остановилась в начале секции салона, как всегда, приводя какие-то мелочи в идеальное состояние. Особенно сочувствуешь таким бортпроводникам уже в конце полета, когда толпа устремляется к распахнутой двери, и результаты деятельности пассажиров остаются на креслах, под ними, в проходах. Это лакмусовая бумажка, как и кинотеатры, стадионы и иже с ними. Абсолютное равенство, здесь и не пахнет дискриминацией, все, везде, независимо от расовой, национальной, половой, религиозной, любой другой выдуманной или реальной принадлежности, убеждений, чего бы то ни было, подвержены свинству в приблизительно одинаковой степени. Неужели так сложно эту использованную салфетку положить в мусорный пакет, который специально для этого неоднократно проносят мимо, и не скрывать

это сокровище с таким упорством под креслом, и не стараться преподнести сюрприз пассажиру, который захочет полистать рекламный журнал на следующем рейсе этого борта. Зачем обязательно рассыпать этот дурацкий попкорн в радиусе трех метров или оставлять капкан в виде наполовину пустого стаканчика под ногами у соседей! Поставить себя на место других может быть полезным. Что-то унеслась я в сторону.

Она уже была рядом с девушкой в отутюженной стильной форме авиакомпании.

— Простите, подскажите, пожалуйста, куда мы летим?

— Мы летим на Шри-Ланку, в Коломбо.

Опытная, ее подчеркнуто вежливая улыбка скрыла все, что она могла бы подумать о вопрошающем.

— Большое спасибо, я просто очень устала и отключилась.

Банальная попытка скрасить надуманную неловкость формальным объяснением.

Вернувшись на свое место, она дождалась графики данных о полете, оставалось несколько часов, и ничего лучше, чем еще подремать, придумать было нельзя, поэтому она пробудилась уже незадолго до второго раунда разноса еды. С нескрываемым удовольствием, подстегиваемая голодом, она по достоинству оценила салатик, основное мясное блюдо и десерт.

Радует, что хоть к рукаву подошли, прокатиться пару минут в автобусе было тоже легко, но не так комфортно, уже предвкушаю эту толпу на паспортном контроле.

Выйдя в зал прилета, она порадовалась позднему времени, так как рейсов было мало и можно было спокойно осмотреться, не попав в нескончаемую суету популярного туристического аэропорта. Стандартные конструкции, расположение зон, набор заведений быстрого питания не давали глазу ни за что зацепиться.

Из встречающих за заборчиком сейчас уже оставались представители туристических компаний в форменной одежде, активно зевающие и надеющиеся оперативнее отправить эти последние на сегодня группы. Она сразу заметила и табличку со своим именем. Ее держал, очевидно, водитель, облаченный в слишком строгий костюм для такого теплого места. Она поняла, что он не знает, как она выглядит, потому что его взгляд искал среди прибывающих взгляд, ищущий его самого, пока безрезультатно. Лидия решила не спешить выдавать себя и понаблюдать за развитием ситуации. Одно кафе все ждало, пока последние посетители уйдут, и она, оправдав перед своей совестью продолжение рабочего дня персоналу крайней странностью всего приключения в целом, села за столик в центре, тот, что почище, предварительно заказав капучино.

Чашка была пуста, и ожидавший водитель без всякой надежды встретить своего пассажира, потому что никто уже

не появлялся, по-прежнему добросовестно держал табличку. Значит, центральное действо дальше, хорошо, поедем. Она встала с места, надела на плечи рюкзак, который сопровождал ее в виде ручной клади. Содержимое его она проверила еще в самолете, ничего необычного, какие-то предметы ежедневной необходимости, в специально предназначенном отделении платежные карты с аккуратно наклеенными стикерами, на которых написаны пин-коды. Они верные, карточки действительные, в кафе не было вопросов. Водитель, естественно, сразу понял, что это его пассажирка, и выражение его лица выдало некоторое недоумение и раздражение, но они испарились с ее проявляющейся улыбкой и обращением:

— Здравствуйте, простите, что заставила ждать, очень нужно было перевести дух после перелета.

— Рад видеть вас, ничего страшного, я уже забеспокоился, все ли у вас в порядке.

Она ожидала услышать этот колоритный акцент.

— Машина тут недалеко, разрешите помочь вам с рюкзаком.

— Спасибо, он очень легкий, все нормально, я сама понесу, показывайте, куда.

По дороге к отелю так тянуло рассмотреть все вокруг, недостаток освещения подстегивал интерес, но бороться с колыбелью заднего сиденья, поддерживаемой поглощающим влиянием ночи, за пределами всяких сил. Территория, интерьер отеля, стойка регистрации и персонал проплыли в ту-

мане, быстрый душ и долгожданное убежище под одеялом с головой, есть только сон, несущийся с ураганным напором навстречу новому дню.

Размышляя, чем себя занять утром после такого впечатляющего завтрака, она подумала, что всегда хотела узнать, как на ней будут смотреться рисунки хной, такие популярные в восточных странах, да уже и по всему миру. Она не была приверженицей татуировок, каждый вправе выбирать, что по душе, это было не для нее, но экспериментальный рисунок, который сойдет, или может быть смыт, другое дело.

У столика регистрации ей дали адрес популярной мастерицы менди, приехавшей из Индии и открывшей свой салон около года назад. Найти транспорт прямо у отеля не составило труда. Несмотря на то что улицы, по которым проскальзывал ее тук-тук, как она и представляла, были сумасшедшим муравейником, где охватить все происходящее просто не представлялось возможным, она довольно оперативно оказалась у дверей нужного салона.

Весь квартал был потрясающе ярким. Она как будто оказалась в центре толпы во время Холи, в день Дхалунди. Чего только тут ни продавалось и ни делалось. Роскошно одетый хозяин ювелирной лавки безучастно наблюдал за непрестанно снующими грузчиками чайной палатки, пока его продавщицы у витрин ловко впаривали «элитные драгоценности» привезенным «элитным» туристам. Он не скупился припла-

чивать местным гидам и таксистам, и эта инвестиция, подпитываемая самыми искренними улыбками и лестью, продавала ширпотреб нижайшего качества со скоростью света и прибылью, благодаря которой он уже разведал окрестности Бостона и Лондона, подготавливая почву для своих детей. Надо отдать им должное: прошли годы, они использовали шанс, оправдали его надежду.

Станция по ремонту тук-туков круглосуточно была загружена работой, что вызывало постоянное недовольство хозяев магазинчика резьбы по дереву, стоящего рядом, в котором они и жили на втором этаже, и приносило дополнительные заказы конторе, занимающейся шумоизоляцией помещений.

Ее так и тянуло пойти и утонуть в лавке тканей или цветов, или ковров, или подушек, но на самом деле ничего по-настоящему экзотического здесь найти было нельзя. Стандартный набор, рассчитанный на конвейер, доказавший свою эффективность.

Она неспешно проходила малочисленные ступеньки, ведущие в двери салона. Пробежал волнительный холодок. Все орнаменты на фасаде и входе слились в сплошной гипнотический рисунок с неразличимыми, но отчетливо сказочными составляющими.

Приветствие девочки, встретившей Лидию, вернуло ее к реальности, и она присела на стульчик подождать, пока освободится мастерица и пригласит ее во внутреннюю комнату,

где все и должно произойти.

Через всего пару минут дверь открылась, сначала оттуда торопливо вышла местная девушка, оплатила девочке нужную сумму и, не дожидаясь сдачи, искренне поблагодарила ее и ее маму, затем растворилась в толпе туристов быстрее легкой дымки посреди чисто голубого неба.

Девочка пригласила Лидию войти. Комната не была украшена как-то особенно изысканно, на стенках, что логично, было немало примеров рисунков на, по всей видимости, знаменитых индийских красавицах. Вся противоположная стена была, по сути, окном от пола до потолка и на всю ширину с дверью во дворик, через который можно было попасть в домик напротив, принадлежавший также этой семье. Слева сбоку виднелся край винтовой лестницы, уводящей на верхние этажи. Мощеные камнем дорожки и зеленый ковер посреди дворика создавали впечатление территории тропического отеля. Продуманные ручейки, фонтанчики и зоны растений потребовали воображения и труда, чтобы сейчас выглядеть так замечательно. Бассейн, однозначно, напрашивался для укрощения дневного зноя, но пространство нельзя растянуть, как жевательную резинку, поэтому водной прохладой в достаточной мере наслаждались привилегированные декоративные рыбки.

Даже беглого взгляда на мастерицу хватило, чтоб осознать, что здесь не все так просто и что ее умения дадут фору всем конкурентам в этом городе, а может, и в стране. Но

почему тогда нигде нет рекламы, тысяч отзывов, рекомендаций. Хорошо, что в отеле посоветовали ее.

Это была женщина лет сорока с несильно темной, но и не сильно бледной ухоженной кожей. Одета она была просто, но не скрыть, что такую одежду не купишь ни в каком магазине при всем здешнем разнообразии. В ее взгляде несгибаемая уверенность соседствовала с доброжелательностью. Подталкивало сразу обнять ее и рассказать все, излить душу без остатка. Потом поселится в этом доме и никогда уже не уезжать. Безусловно, не сподручно было бы убедиться в этом, но все в ней показывало, что она находится в отличной физической форме и по-философски, мудро, с юмором относится к жизни с того момента, когда пришла в нее. Ее нельзя удивить, как она может столько знать, так глубоко все понимать.

— Прости, что заставила тебя ждать. Надеюсь, маленькая Каришма была вежлива. Сладу с ней нет, – усмехнулась мастерица.

— Это и не ожидание, пару минут, все в порядке, спасибо, что приняли.

Мастерица знала о приходе туристки, работники отеля не упускали своего процента.

— Меня зовут Амрита, а ты, наверное, и есть Лидия?

— Да, это я. – Лидия подозревала о проценте, но впечатление, что эта женщина-мастер знает ее намного дольше, чем длительность начальной фазы знакомства, и так необъясни-

мо досконально, заставляло ее пытаться зацепиться за оттенки мимики, малейшие детали жестов и движения тела, чтобы разгадать тайну Амриты, вспомнить все, что с ней связано. Эти мгновения наблюдений, пока хозяйка салона готовила инструменты и материалы, казались годами скрупулезного изучения, кто же…

— Можешь сидеть, как тебе будет удобно. У меня все настроено, и, надеюсь, результат будет тебе по душе. Присматривалась к примерам? Что-то приглянулось?

— Все очень красиво. Это не лесть и не формальная вежливость. Мне все очень нравится.

— Спасибо. Вдохновляет, когда о моем труде так отзываются.

— А если я попрошу вас посмотреть на мои руки и сделать интересный рисунок по своему усмотрению?

— Я уже знаю, что у тебя будет.

— Не сомневалась в этом. – Лидия не могла сдержать радостной улыбки, и сопротивляться охватившей ее радости не могла и не видела смысла. И потом, как долгожданная вечерняя прохлада после испепеляющего дневного солнца, пришло спокойствие. Она подумала, что засыпает. В моменты, когда она приподнимала веки в этом окутывающем дреме, она восторгалась тем, как аккуратно, точно, быстро и при том по-нечеловечески плавно, создавала Амрита очередной шедевр. Вот еще штришок, и до этого хаотически расположенные формы сразу становились понятными и законченны-

ми, сливаясь в единую цепочку повествования той истории, что несла в себе кисть мастерицы.

Лидия смотрела, не моргая, и встала. Шаг вперед, история на ее руках издает слабое свечение морковного оттенка, следующий мягкий шаг, свечение становится насыщенным и начинает заполнять комнату. После еще нескольких шагов она открыла дверь во внутренний дворик, в свечении можно было различить ее растворяющийся силуэт.

Ночное небо было бесконечно темным и глубоким, но, присмотревшись, можно было различить полотно из миллиардов сияющих звезд. Стремилась понять его полностью все, или хотя бы частичку, но невозможно было сосредоточиться ни на нем целиком, что легко объясняется бесконечностью, ни на отдельном участке, потому как каждый клаптик моментально превращался в бесконечность. Может это пустыня делает звезды такими завораживающими?

Воздух не ощущался, он окутывал настолько комфортной пеленой, что хотелось позволить ему унести себя куда угодно. Тем не менее освежающая прохлада, не успеешь оглянуться, как выводила мурашек на легкую пробежку. Она пришла в себя от потрескивания костра, как же затекла шея! Небо отпустило взгляд, и слева за плечом она увидела, даже скорее почувствовала, огонь. Мурашки решили не оставлять следов.

В пламени необычно четко прослеживался переход оттенков цвета. Основа была оранжево-красной, пугающе горячей, именно она согревала среду вокруг палатки и внутри. Потом виделась четкая граница, выше которой пламя становилось разбавленно-желтым. Эта часть служила источником света. Звезды все-таки были слишком далеки.

И да, в нескольких шагах от нее стояла внушительно вместительная палатка, а рядом еще одна, поменьше, предположительно для вещей. Ничего примечательного в конструкции этого временного жилища не было: кожа, казавшаяся отбеленной в таком освещении, была натянута на вбитые в землю деревянные шесты. В объемистой палатке было выколи глаза темно, и, заглянув туда, она поняла, что разглядеть ничего не удастся, а заходить и исследовать на ощупь она не решилась. Присев рядом с костром, Лидия собралась подождать рассвета, идти все равно было некуда и, по большому счету, неоткуда, потому что она понятия не имела, где находится. Одно простое решение за другим, так путь станет яснее.

Она начала устраиваться поудобнее, как вдруг на фоне палатки отчетливо вырисовалась мужская фигура, а за ней и две детские. Нельзя сказать, что она испугалась, доля удивления преобладала, но на ноги вскочила моментально. На английском? Да, попробую так, и слегка несмело приветливо улыбаясь сказала:

— Привет! — Характерное помахивание рукой было при-

звано усилить эффект дружелюбия.

— Ночь сегодня звездная, мы рады гостю на пути. — Ответ мужчины сопровождал едва заметный полный достоинства и уважения поклон. Тембр голоса, оттенки интонаций, четкость и правильность звучания столь короткой фразы давали явственно понять, что такой человек не может нести угрозы, и рекомендовали быть с ним самой собой. Мальчики все еще настороженно выглядывали, закрываясь полами дишдаша отца как щитами. Они еще не успели усвоить все обычаи, но очень старались.

— По правде говоря, я не соображу, как оказалась тут. Простите, что потревожила.

— Будет время разобраться. Садись обратно к костру, поешь и спать. – Прежде чем она успела начать отнекиваться, он подал знак сыновьям, и уже она откусывала лепешку с сыром, показавшуюся ей божественной — она была голодна. Запила водой, ничего более уместного и бесценного и придумать было нельзя.

Маймун уступил ей свою кровать в жилой палатке, сам остался поближе к теплому огню. Когда Лидия решила прилечь, ребята уже увлеченно сопели.

— Вставай, пора. – Маймун аккуратно потеребил ее за плечо, и только примерно к пятому «вставай» она начала приходить в себя и вспоминать, где она и кто это. Почему сейчас? Не отключилась толком.

— Ты не можешь пропустить дорогу. Пойдем, надо

умыться, поможет. – Очень далеко в бесконечном просторе пустыни и темноты начинало розоветь небо. Еще ж ночь!

Он достал скромных габаритов мешочек из грубой кожи, вода была как будто из морозилки, и ее понадобилось не полная горсть, в чем секрет? Лидия вытерла лицо и руки мягким полотенцем, капли на одежде высохнут быстро. Она была в полной готовности.

— Не мешкай, солнца начнут быстро восходить. – Грамматические ошибки случаются, она и свои регулярно замечала. – Тебе надо сфокусироваться и стараться не отстать. Твой путь будет убегать, проверь шнурки, все карманы, рюкзак, чтоб не выпадало ничего и не мешало. Остановишься – потеряешь все, буквально все. Не выберешься. Если что-то упало — не возвращайся, будет новое. Если что-то мешает, значит, этому не по пути с тобой, оставь. Но ты не должна потерять свою дорогу.

Она перевязала шнурки потуже, похлопала себя по одежде, нечему вылетать, рюкзак закрыт полностью. Метафоричность напутствия она также оценила по достоинству. Можно отправляться, перевела взгляд с ободряюще улыбающегося Маймуна на горизонт, и как же он не ошибся. По диагонали снизу вверх вправо и влево восходили два солнца. Восходившее влево располагалось дальше, и орбита этого мира была ближе к тому, что поднималось справа. На них можно было смотреть неприкрытым взглядом. Точка пересечения их излучения проявилась прямо перед ней зеленым пятнышком

на светло-желтом утреннем песке. Пятнышко разрослось в ширину на метр правильным геометрическим рисунком.

— Спасибо, что заглянула к нам. – Он приглашающе выставил руку в направлении солнц, куда начинал убегать зеленый указатель, увлекаемый ими за собой, пока очень неспешно. Она быстро обняла его как давно знакомого.

— Я благодарна за ночлег и еду. Не знаю, что там ждет. – Лидия последовала за солнцами постепенно переходя на легкий бег. – Пока! – донеслось до Маймуна, уже когда ее саму скрыли перепады высот, всегда выглядящей безукоризненно ровным плато, пустыни.

Лидия вышла из станции метро, иногда переходя на легкую трусцу, шустро добралась до спасительно прохладного лобби отеля, дождалась лифта минуты за две, а это было такой же удачей тут, как и короткая очередь на популярную горку в тематическом парке, и быстро поднялась на свой тридцать седьмой этаж. Ради такого вида стоит навещать этот город.

Прямых перелетов в Малагу не нашлось, взяла с пересадкой в неустанно привлекательном месте. Ближе к вечеру немного покупалась в бассейне под открытым небом, потом заказала доставку ужина. Рейс был очень рано утром, потому в аэропорт поехала еще ночью. Череда контролей документов и вещей, сиденье назначилось удачно возле прохода, по порядку на взлетку, сразу начинаешь засыпать, ускорение,

и уже необъяснимо хочется безотлагательно попасть туда, в неисследованное.

Интересно, сколько в масштабах такого пространства длился бы вечер. Некоторые условности не всегда негативны.

Перелет прошел незаметно. Заходя в легкий туман, Лавина Пустыни плавно спускалась к водной глади. Свинцовый цвет зеркальной поверхности вызывал настороженность. Туман сзади корабля сразу густел, становясь непроглядной стеной. Не успев коснуться воды, он остановился метрах в ста от серого островка. Полностью каменный, что и обуславливало его цвет, островок был похож на летний павильон для выступлений в каком-нибудь парке. Мощная стена, за которой простирается море, а перед ней ровная площадка, точно сцена. За стеной то тут, то там виднелись дрейфующие поля водорослей, создавая впечатление уже не моря, а бескрайнего болота.

Саша, не задумываясь, сошел в воду по спущенному трапу и уверенно поплыл к островку. В несколько гребков он достиг сцены, но не успев подняться на нее, заметил волну справа, как будто что-то очень быстро приближалось оттуда под водой. Через мгновение на камни вылетел гигант. Скатывающиеся капли предали волшебный блеск его преимущественно фиолетовой коже. Он оказался ростом метров пять — устрашающая груда мышц. В каждой руке была

огромная сабля, и выражение всех трех лиц на трех головах не предвещало распростертых объятий. Неожиданно, в миг, гигант разделился на трех стражей, и все трое угрожающе двинулись вперед. Те, что по краям, держали сабли, а центральному, очевидно, не требовалось никакое оружие.

— Лучше убирайся, тут нет ничего для тебя!

— Я должен найти грот, – ответил спокойно и безотпорно, сделал глубокий вдох, нырнул, что было мочи, в глубину и начал грести, что есть сил, чтоб живее обогнуть остров и оторваться от стражей. Тут костюм проявил свои дополнительные возможности. Он удалялся быстрей чем скоростной катер, ловко маневрируя между скоплениями водорослей. Сразу заметил погоню, стало понятно, что он недостаточно быстрый. Страж взлетел в воздух и приготовил саблю, чтоб, нырнув обратно, закончить преследование, но из-под воды взметнулся кнут, сковал и обездвижил его, рука выронила саблю. Соискатель добрал кислорода, когда удивленный гигант погружался обратно уже позади. Только б не сбиться с пути, где же те двое, о тут надо вниз. Стрелка на экране наручного навигатора указывала строго прямо, когда он стал уходить в глубину. Тускнеет, нарастает темнота. Получилось различить каменную глыбу в луче фонаря. Проем основательный — это вход. Побыстрее бы оказаться в Лавине, а потом рассказывать об этом интригующем приключении в прошедшем времени.

Внутренняя пещера нашлась скоро, после нескольких по-

воротов. Он вышел на берег в полумраке. Какие-то вкрапления в скале излучали неровное мерцание, полюбоваться бы им, и тут так тихо, но нельзя медлить. Где же это искать? Осмотревшись, он не мог определить, где хотя бы начинать рыться. И все-таки эта тишина. Он сделал глубокий вдох, удары сердца раздавались как будто извне. Ритм замедлялся, но сердце рвалось наружу, словно в момент невероятного волнения. Довериться ему и костюму. Как? Он дышал равномерно, и, наверное, каждый удар в груди можно было увидеть со стороны. Он дотронулся правой рукой до каменной стены. Костюм уже отчетливо вибрировал в такт сердцу. Секунда за секундой пещера впитывала биение в себя. Громоподобный пульс камней поглотил неумолкающие мысли. Внезапно все замерло. Он и не заметил, как в этом ритмичном трансе стена напротив сформировала линии узора, и он теперь понял, что это.

Прибор на запястье совмещает много функций, к счастью. Он моментально сделал фото, развернулся и нырнул.

Немедленно обратно. Он стремительно приближался к границе с атмосферой, нужен план, победить его невозможно. Замедлившись и едва показав голову над водой, он молниеносно, могло сперва показаться испуганно, осмотрелся вокруг. Полный штиль, все тот же легкий туман клочками, то тут, то там. Не пытаясь скрыть своего присутствия, без сомнения, гигант следит, но и без лишней спешки, он последовал в направлении корабля по указаниям навигатора.

Внезапно перед ним начала расти, неудержимо надвигаясь, огромная волна. Не было характерного шелеста уже начинавшего падать и заворачиваться гребня. Тихо и беспощадно она схватила и закружила его, оглушая и выбивая любое осознание реальности.

Когда, прокашливаясь, Саша открыл глаза, он лежал на каменной сцене, смог разглядеть Лавину Пустыни там, где оставил ее, а еще занесенную саблю.

— Последнее слово можно?…

Трап поднимался, гигант спокойно проводил его взглядом, и был отрезан стеной тумана.

И пришёл вечер…

Было очень тепло. Казалось, что даже обреченные, серые, запылённые дома, от которых никогда не веяло приветливостью, находятся в предчувствии чуда. Он шёл, как завороженный, ему казалось, что он идёт по воздуху, поднимаясь всё выше: Is there somewhere I belong? My immortal, my last resort, my obsession, этот пьянящий воздух всецело овладел мозгом, и вернуть воображение из его бесконечного путешествия было уже невозможно.

Вдруг он услышал рядом с собой голос. Это был спокойный мужской голос. Его обладатель явно не был в этой ситуации случайным прохожим. Создалось впечатление, что голос с таким тембром звучания мог бы принадлежать тому, кто придумал этот вечер.

— Привет. Устал?

— Да нет. Это качественно приятная усталость, можно сказать, отдыхающая, то есть дающая отдохнуть.

— Я понял. Готовишься?

— К чему?

— Ты еще не догадываешься?

— Обычно я люблю говорить загадками.

— Ты же сам знаешь, что все уже не будет как обычно.

Он скользнул взглядом по лицу этого мужчины, ещё через секунду в целом оценил его внешность. Увиденное вызвало необъяснимое доверие и уважение, я его откуда-то очень хорошо знаю, послушаю, чего он хочет, не умру.

— Вы хотите предложить какую-то работу или что?

— Если хочешь, называй это так. Учти, вознаграждение за твои труды зачислится не сразу, когда все выполнишь, тогда сполна.

— А аванс, там, или часть, как предоплату, чтоб был стимул и призрачная надежда, что в итоге не обманут и заплатят?

— Всё будет по-честному, но оплата потом.

И почему я ему верю. Первый раз вижу, а на удочку клюю. Ладно, может, без обмана, заплатит хорошо, на вид деньги, вроде, есть.

— А это будет связано с физическим трудом или умственным, что вообще делать надо?

— To strive, to seek, to find and not to yield.

— У вас неплохое произношение, почему вы выбрали именно эту фразу?

— Я смотрю, у тебя очень много вопросов, а у меня есть ответы на любые вопросы.

— Стандартный вопрос в таких ситуациях — не подскажете, кто убил Кеннеди?

— Умничаешь, не веришь, это естественно, его убил, дайка подумаю…

— Не на все. Так что надо делать?

— Приезжай завтра в порт к шести вечера.

— А с собой что-то брать? Как-то специально одеваться? Может, круг спасательный?

Ого, вызвал тень улыбки.

— Да нет, одевайся в то, в чём будешь себя удобно чувствовать.

— Надолго?

— Как справишься.

— А сколько заплатите?

— Тебе неприлично много покажется.

— Это вряд ли.

— Не волнуйся, не обижу.

— А как вас зовут, и где вы будете?

— Тебя будет ждать лодка, подойдешь, скажешь, что от меня. А зовут так же, как и тебя.

— А отчество?

— Можно просто по имени.

— А откуда вы знаете, как меня зовут?
— Слышал, как к тебе обращались другие.
— Что-то я вас поблизости не замечал.
— Ты и только что не заметил, как я подошёл.
— Ну, хорошо, мне тут наверх, до завтра.
— Не опаздывай.
— Ага.

Он поднимался по улице в направлении дома. Почему-то в голове возник образ той девушки, которую он случайно зацепил на улице, задумавшись.

Шаг, ещё шаг, ещё… Ближе… Ещё очень далеко, но уже ближе… Навстречу… Домой? Сомневаюсь. Несомненно, навстречу друг другу.

Сейчас на борту Лавины Пустыни все это казалось нереальным, не случавшимся. Хотя как раз в этот момент он был непосредственным участником событий, которые любой здравый человек сочтет тотально выдуманными, невозможными или попросту враньем.

И он никак не вообразил бы, что, когда на следующий день вышел из уже, к счастью, опустевшей маршрутки и, как всегда на зеленый сигнал, переходил перекресток, направляясь в порт, Лидия подходила к бортпроводнице, чтобы узнать пункт прилета.

А тот порт откровенно был местечковым причалом для незадерживающихся катеров. Немного дальше вверх по те-

чению реки за высокими заборами виднелась грузовая часть. Старые, давно неработающие, брошенные краны напоминали о былых масштабах. И лишь слабо виднеющаяся верхушка горки из песка намекала на то, что еще не все потеряно.

У платформы, с которой обычно отправлялись прогулочные или дачные катера, Саша увидел среднестатистическую моторную лодку. В ней возился человек, и так как кроме этого человека не было ни души, он решил спросить его о работе. Пройдя по серому бетону причала вдоль всего от времени облупившегося металлического ограждения, он скользнул в ближайший к лодке проход и оказался в нескольких метрах от потенциального работодателя. Не такой уж и маленькой была эта лодка вблизи, длиной метров семь, с мощными моторами, в ширину с лихвой для комфортного размещения и передвижения людей и грузов. Предположительный владелец заканчивал закреплять поклажу между лавками.

— Добрый вечер! Я вчера встретил Сашу, он сказал приезжать сегодня в порт примерно в это время, будет работа. Я здесь, может, вы знаете что-то об этом?

— Ох уж этот Саша, где он вас таких находит.

— Я нормальный, сами увидите.

— Конечно, увижу. Есть работа для тебя, садись и не дергайся.

О теньке не было и речи, а солнце все еще припекало, когда он внимательно наблюдал, как мужчина добавляет внушительный чемодан к тем, что уже были зафиксированы.

— Все, видишь вот эти? – Наемный трудяга кивнул, на краю причала стояли перевязанные в один сплошной тюк еще с десяток чемоданов. – Развязываешь, потом аккуратно, по одному точно так же укладываешь тут. Понял? – Он кивнул опять. – Все, что вылетит по дороге, будет в счет твоей оплаты. – Кто бы сомневался! Но вслух произнес обнадеживающее:

— Я буду стараться.

Подготовка была завершена, надежность крепления проверена и перепроверена бесчисленное количество раз, можно было отчаливать. За это время Потап (так звали хозяина лодки) успел сходить в подсобное помещение в здании речного вокзала и обратно несколько раз. Эта захламленная комната, по своему содержанию аналогичная любому сараю, пряталась в самом неприметном углу за то тут, то там поржавевшей темно-красной металлической дверью, а закрывалась настолько массивным замком, что должна была скрывать, по меньшей мере, филиал национального банка. Потап сначала на тачке привез мотор, который они вдвоем без экстра усилий установили. Затем он принес громоздкую спортивную сумку и бросил ее ближе к корме лодки. Было видно, что она нелегкая, и обхождение с ней не подразумевало бьющихся предметов внутри. Скорее всего, это были его пожитки, необходимые в пути. И, наконец, надежно обеспечив полную сохранность своему Форт-Ноксу впечатляющим замком, он присел на лавку, откуда собирался

управлять лодкой, с синим рюкзаком в руках и начал рыться внутри. Гамма ароматов безошибочно подсказывала Саше, что там запас провизии, но пока голода не было, интерес к конкретно этой части груза у него остался минимальным.

Ветер не активничал, но и зеркалом поверхность реки назвать было нельзя. До заката оставалось недолго, и они уже успели покрыть приличное расстояние. Так хотелось снова понаблюдать игру солнечных красок в легких облачках, все самые неожиданные изменения оттенков наступления вечера, чудесно убаюкивающие композиции из воды и света. И как же сильно слипаются глаза от всего этого безмятежного, монотонного движения. Когда еще подвернется возможность так сладко и беззаботно поспать? А закат… будет много закатов… я позволю себе, на пару минут опущу завесу и полежу, наслаждаясь свежестью запахов, это же всего пару минут, что тут такого… погоди, еще не прошло пары минут… еще минутку… какой смысл сопротивляться, для этого нет причин… я должен отдохнуть, наверняка понадобится быть свежим и готовым к нагрузкам…

Ночь не мешала им продвигаться к цели, игриво время от времени подмигивала, широко улыбаясь и, как всегда, даря надежду.

И теперь, всматриваясь в скопления звезд, перед ним представали прибрежные очертания города в утренней дымке, как наяву, как тогда, когда он проснулся в лодке после очень глубокого сна. Все затекло, подъем превратился в ис-

пытание, усложненное тем, что очень хотелось в туалет. Так на ходу неудобно, уже немножко потерпеть, он переоценил скорость лодки и недооценил расстояние с воды.

Только минут через тридцать пять — сорок он выскочил на бетонную набережную, которая была и пирсом, и дамбой, и прогулочной дорогой, и местом рыбалки. Этот естественно-искусственный отрезок суши выдавался в воду метров на сто или больше и в ширину вмещал пешеходную зону, дорогу, заканчивавшуюся тупиковым круговым разворотом, квартал зданий, где явно не жили, а работали, и еще единицы разбросанных обслуживающих построек. Саша помчался к старому вокзалу, судя по состоянию покраски, оконных рам, крыши, обновлять его и в помине не заморачивались. Он понимал, в каком состоянии будет туалет, но в текущих обстоятельствах брезгливость отходила на очень дальний план, ну и не был он особенно брезгливым. Вот что значит свобода, теперь иду обратно, не отстану от него, пока не расскажет о работе, у него и выхода нет, мне ж, по всей вероятности, начать сразу надо будет.

Потап уже выставил все чемоданы из лодки, и какой-то человек, наверное, таксист, переносил их в грузопассажирское авто, припаркованное метрах в двадцати.

— Мне помочь носить?

— Нет, он сам, дальше это уже его дело. – Он заканчивал перепроверять, надежно ли пришвартована лодка, хотя этого не требовалось, еще с детства закреплял их сразу, как

положено. – Ты пойдешь со мной, тебе все покажут, и там договоритесь о деталях. Надеюсь, будешь все шустро делать, и мне не надо будет тебя вечность ждать. Деньги у них есть, обычно хорошо платят, но важно стараться.

— Понял, спасибо, мне не помешает подзаработать, я буду сконцентрированным и все сделаю.

Потап легкой полуулыбкой смерил его с головы до ног, потом, по впечатлению, как-то заботливо, или неужели подбадривающе, развернул за локоть в сторону города и пошел вперед. Попутчик не собирался отставать.

— Далеко отсюда?

— Пока не видно.

Координаты были заданы, Саша подтвердил, и, когда ему показалось, что он просто завис на месте, пространство открыло свои потайные пути перед Лавиной Пустыни, и та понеслась через немыслимые лазейки к очень востребованному передыху.

Renfe тебе в помощь, Лидия без приключений добралась до центра Малаги из аэропорта. Конечно, не в той части, но паэлью все равно и тут возьму. Обыватель я, обыватель. Поесть, ну и что там у меня еще за взгляды, сэкономить, нет, просто рациональная, ищу оптимальные варианты, аж самой смешно.

Вход в подъезд дома, где находилось арендованное жилье,

и в него самого осуществлялся по коду, который был предварительно прислан. Отлично, что не надо ни с кем пересекаться, self check-in ее радовал. Узкая винтовая лестница, и такое еще встречается, чисто в подъезде. Деревянная, тяжеловатая дверь в квартиру, ничего выдающегося, убрано прилично, ванная — о! — не миниатюрный бортик с душем, а полноценная ванная, надо будет часок полежать, расслабиться. Это была студия, на столе в кухонной зоне стояла корзина с разными вкусностями, приветствие гостю от хозяев. Всегда очень приятно такое отношение, обязательно скажу спасибо. Она оставила рюкзак на полу у кровати, потом выглянула из фальшивого балкона с, к сожалению, ничем не примечательной кованой решеткой, та же самая улица, по которой подходила сюда. Нашла в одном из верхних кухонных шкафчиков стакан и выпила воды, потом легла, растянувшись, на кровать. Мягко, затягивает, зной, глаза закрываются сами собой. Но спать было нельзя, потому что скоро надо будет заниматься делом. Выйти заранее и неспешно прогуляться по этим улицам будет здорово. Прошло полчаса, она решила, что уже пора, выложила некоторые вещи из рюкзака, чтоб быть налегке, скопировала записанный адрес, маршрут построен, чуть детальнее посмотрела, куда двигаться вначале. Обулась, дверь за ней захлопнулась автоматически, внизу ее встретила упорно не сдающаяся жара. Она изредка проверяла дальнейшие указания, а прерогативу отдала рассматриванию города. Было пустынно, жители начнут выходить на ули-

цу попозже. В целом ожидаемый испанский стиль постройки, если бы показали фотографии и спросили, что это за город, то точно не называла бы, но версия испанского была бы главной. Типичные коридоры деревьев и пальм, то и дело попадались обособленные площади с фонтанами, парки местного значения, частые кафе, закрытые на сиесту, иногда и насовсем, конторы, путь пролетал незаметно. По таким городам можно гулять бесконечно. Она хорошо запомнила название и уже начинала обращать внимание на надписи на вывесках, чтоб не пропустить знакомую фразу. Пронеслись три-четыре квартала, и Лидия остановилась перед стеклянной офисной дверью, на которой черной краской были написаны нужные слова. Было открыто, она вошла, видимо, тут скопление предприятий, так и не скажешь, что здание уходит настолько в глубину. Первая фанерная дверь справа, тоже открыто. Помещение не хвасталось размахом, через окно вместо стены снаружи можно было наблюдать за рабочим днем сотрудников, что тоже служило рекламой. Единственным человеком, оказавшимся на месте в такое время, была женщина средних лет, одетая не строго по-деловому, а както по-домашнему расслабленно.

— Добрый день, мне сказали, что здесь я могу приобрести хну для менди.

— Простите, я тут недавно, не уверена, что мы продаем и такие краски. Можете ли вы зайти примерно через час? Тут прибавится людей, они помогут.

Еще часок погулять.

— Да, без проблем, буду у вас через час, спасибо.

— Ждем вас! – Женщина радушно улыбнулась и помахала рукой.

Сказать без проблем легче, чем ухитряться перемещаться из тенька в тенек. Высокая температура не сильно досаждала ей, но чрезмерно потеть сейчас почему-то не было желания. Этот изнуряющий плывущий зной еще долгие годы неотвратимо будет заставлять весь ее организм напряженно концентрироваться в ожидании сверхнагрузок. Такой воздух искажает очертания, цвета, расстояния.

Откуда там взялся тот дурацкий корень, тончайшей сухой травинки нигде не было. Она уже около часа не отставала от неутомимо убегающего указателя. Так некстати оказалось перецепиться, к счастью, упала вперед на руки и безопасно мягкий песок, не ушиблась. Быстро поднявшись, она уже на бегу полностью отряхнула ладони от песка. Да, очень тепло, спина была полностью мокрая. Еще полчаса — и надо попить. Нет, губы так пересохли — немедленно. Темп позволял ей снять рюкзак, не останавливаясь, расстегнула основной отдел, там мешочек с водой, которым предусмотрительно поделился Маймун. Открыла пробку, один глоток, она еще секунд тридцать полоскала рот. Теперь надолго хватит, рюкзак снова оказался на спине, и она побежала быстрее.

Минут через двадцать и с десяток ручейков пота, ликвидированных на лбу у истоков, когда она приближалась к кон-

цу длинного высокого бархана вдоль его подветренной стороны, указатель резко повернул налево за бархан, исчез на миг из вида, через несколько шагов она свернула туда же. Не потеряла, но он ускоряется, я не выдержу и нескольких минут такого темпа. Она бежала изо всех сил, казалось, мир вокруг несется ураганом навстречу. Лицо горело, ногами двигала сугубо воля, я не упаду, огонь уже распространился везде. Беги! Представила спину ведущего, за которым надо тянуться, нельзя отставать. Десятое, двадцатое, уже не важно какое дыхание открылось, она почувствовала легкость. Понятно, что это ненадолго, но надо ловить возможность, она свободно преодолевала расстояние, довольно заулыбалась. Внезапно лучи бесследно растворились, указателя не стало. Она расхлябанно, но постепенно остановилась. Походила в разные стороны, пытаясь отдышаться и не дать выскочить сердцу. Стоп-стоп, не хочу ведать, что дальше, дайте наполнить легкие. Она пыталась отлавливать малейший ветерок.

Восстановилась быстро, что теперь? Перед ней был только барханчик, а вокруг песчаная равнина. Солнца, если можно так сказать, в зенитах. Шорох примерно на половине высоты барханчика вызвал любопытство. Это был небольшой песчаный водопад. А разве есть такое сочетание? Пескопад? Грубо. Песчинкопад. Так получше. За спадавшим песком просматривалась деревянная дверка с метр в высоту. Узор своим стилем очень напоминал дверь кондитерского магазинчика, и история похожая, но персонажей меньше, не совсем

понятно, что за ритуалы они совершают. Гадая, кто подходит ей ближе, Аладдин или Алиса, она открыла дверь и, почти став на четвереньки, зашла. Сразу перед собой развела руками какие-то занавески, преграждающие проход, бархат, что ли, и в полный рост ступила на сцену театра. Он был среднего размера, явно не заброшенный, действующий, отчасти вычурно смотрелись узоры на балконах, но в целом атмосфера не отталкивающая. Зал был пуст.

— А-а-а-а-а-а. – Отлично эхо пошло, еще раз, – ах-а-а-а-а, – звонко выкрикнула Лидия.

— Распелась? Выступишь теперь?

Знакомый голос. Мимика Лидии, когда она подошла к переднему краю сцены, намекала на то, что ответ на вопрос, кто же это, крутится у нее на языке, но никак не может принять форму имени. Женщина сидела в первом ряду прямо по центру в образе то ли строгого экзаменатора, то ли дружелюбно настроенного судьи конкурса талантов. Сразу от волнения Лидия не разобрала.

— Это вы! Далековато завел меня ваш совет, и конфетами тут не особо пахнет.

— Зато у ткани искусства свой исключительный, привлекательный аромат.

— Кажется, что вам кажется, что эта ситуация забавная.

— Ты, наверное, ничего не можешь понять, но продержалась уже здорово!

— Спасибо, да, теряюсь, с какого вопроса начинать, их

очень много, и спокойна я исключительно внешне, как вы догадываетесь, хочется бурей выпустить на волю все. – Прыгнуть прямо отсюда на тебя, и потом…, пронеслось в голове.

Почетная зрительница широко улыбалась, понимая сопутствующие контексты.

— Не стоит, для этого будет подходящий момент. И я помогу тебе, объясню, насколько допустимо.

— Как я попала в самолет?

— Заботливые и очень ответственные люди тебе посодействовали.

— Значит, все равно не расскажете мне все. Лучше тогда говорите вы, скажете, что мне можно знать.

— Этот подход рациональнее. Работа, которую начала Амрита на твоих руках, не закончена. Ни она, ни другие не знают, как завершить эту историю. Это предстоит сделать тебе. Не опережаем события, не оттуда начала. – Она сделала затяжной выдох, как будто задувала не желающую гаснуть свечу. — Иногда линии пересекаются, появляется шанс, что они перерастут в одну бесконечную. Но это всегда требует стремления, старания, искренности, не дается просто так. Ты пересеклась с тем парнем, теперь вы создаете линию, посмотрим, что из этого выйдет.

— Звучит, как примитивный сценарий фильма, который не по зубам и выдающемуся актерскому составу спасти. То есть я столкнулась с человеком, чуть не послала его, допустим, он мне понравился, создала какой-то образ, если пе-

рефразировать ваши слова, влюбилась в него, и, как по волшебству, оп, борюсь уже за наше бесконечное счастье. Это бред! Хотя, опять же, я нахожусь здесь, и то, как я сюда добралась, логично не объяснишь.

— Не единственная ты борешься, он тоже.

— Фраза из того же сценария. Допустим, мы продолжаем, я не против приключений, надо же позволять духу авантюризма захватывать себя время от времени. Что дальше? Как все проходит, какие правила? И что за арена, где мы пребываем, куда меня занесло?

— На кастинг, пытаешься пройти в следующий круг, – посмеивалась женщина. – Нет особых правил, все, как в жизни. Точно будет сложно, и физически, и морально. На одном месте сидеть не придется. – Улыбка, все-таки дружелюбная, не уходила. – Повидаешь миры. — Теперь это уже не кажется грамматической ошибкой. — Я буду назначать встречи и помогать продвигаться в пути. Тебе надо будет собрать фрагменты, которые позволят Амрите завершить историю. Будешь заскакивать к ней периодически.

— Извиняюсь за приземленность, откуда мне на все это деньги брать?

— Ты видела у себя карты, там будет достаточно.

— Сколько примерно это может занять? Мне надо предупредить родных.

— Не беспокойся, все улажено, они не будут волноваться.

— Будут, поверьте. – Сквозняком протянуло какое-то лу-

кавство в улыбке, это мне бы поверить ей. Они смотрели друг на друга пристально и молча затянувшиеся секунды, словно играя.

— Хорошо, считаем, что в целом договорились, можем приступить. Брось мне, пожалуйста, свой рюкзак.

Лидия сняла лямки с плеч и аккуратно направила его прямо в руки женщины.

— Он тебе пока не понадобится, будет ждать рядом с фрагментом, который тебе предстоит добыть. – Значит, буду налегке, справлюсь быстрее. – Я много рассказывать не буду, уверена, ты сама разберешься. — Да, явно не в вашей привычке растекаться мыслью по древу. — За кулисами слева есть дверь в подсобное помещение, там все, что тебе надо. Сходи, не откладывая.

— Без проблем, вернусь немедля.

Заходя за кулисы, Лидия кончиками пальцев снова ощутила неотпускающую интригу этого бархата. Освещение тут было не очень хорошим, но дверь искать особо не пришлось. Она энергично раскрыла ее и, шаря левой рукой по стенке в попытках нащупать выключатель, вошла, запоздало отпустив правой рукой ручку, увлекая дверь в сторону закрытия. Та по инерции захлопнулась. Ох, где ж этот выключатель, почему нельзя сделать на логичной высоте. Она немного присела, вот клавиша переключения, привычный звук вкл/выкл, от неожиданности она чуть не упала, резко амплитудно отшатнулась, закрыв лицо локтем.

Дневной свет, возникший так внезапно, ослепил ее, несмотря на то что было пасмурно. Когда глаза привыкли, она увидела, что стоит на тротуаре, упершись спиной в стену здания. Было сложно понять, раннее ли это утро, или уже вечер. На проезжей и пешеходной частях отсутствовало движение, не хватало только пролетающего перекати-поля, чтоб создать киношный эффект полнейшего захолустья. Соответственно, ее появлению кроме нее самой удивляться было некому. Она бегло осмотрелась, может, и не сильно заброшенное захолустье, здания содержатся аккуратными, преобладают невысокие, два-три этажа, более или менее чисто, асфальт не используется, все вымощено брусчаткой. Как минимум подметают. Но вся совокупная серость настораживала и даже отталкивала, хоть бы деревце, или кустик, или клумбочка где-то. Воздух был влажноват, дождь намечается, и свежесть чувствуется. Так, куда мне? Лидия приободрилась. Очевидно, что никакой двери обратно в театр я тут не найду. Просто стоять — не подходит. Пусть и тепло, но дождь в итоге заставит продрогнуть, или ночь, если сейчас вечер, или они вместе. Да и надо двигаться дальше, раз взялась. Улица была широкая, можно было предположить, что она не за горами перейдет в площадь, но привычные принципы устройства городов, которые часто на уровне интуиции подсказывали, что может ожидать в незнакомой местности, тут не работали. В обе стороны улица шла,

не меняя ширины, как, собственно, и ничего другого. Слева она убегала вниз, не было видно, что там дальше, справа упиралась в Т-образный перекресток с такой же улицей. Лидия решила прогуляться посмотреть, что может быть вниз по улице, но, дойдя до начала спуска, обнаружила, вернее, не обнаружила ни конца ни края. Эта лента убегала очень далеко, через определенные промежутки ответвлялись переулки, которые не сулили ничего значимого, поэтому она развернулась и направилась к перекрестку, мне точно туда. Она пыталась искать какие-нибудь зацепки в архитектуре, чтоб приблизительно понять, в какой стране находится, но никаких знакомых особенностей она не могла отметить, постепенно больше запутывалась, и уже закрадывались сомнения насчет эпохи, пусть будет настоящее, я-то в нем деятельность развожу. Знаков дорожного движения не было, виднелся указатель, но до него она еще не дошла, он был на самом перекрестке. Вдоль тротуаров по обеим сторонам на равной дистанции метров в тридцать-сорок стояли фонарные столбы, металлические, холодно выкрашенные в черное, невысокие, метра три с половиной, чем-то по форме напоминали пешки в деревянном шахматном наборе из ее детства. Плафоны были разбиты у всех, но осколков стекла не валялось. Все безнадежней ее поглощало ощущение необъяснимой бесцветности этой улицы. Вот перекресток и указатель, может, определю, куда идти. Она поравнялась с тремя стремящимися друг от друга стрелками. Надписи на них

показались нечеткими, как бы размытыми, так может барахлить зрение после глубокого сна, когда надо усердно умыться, чтоб загнать все в правильные контуры. Она навела резкость. Стрелка, указывавшая ей за спину, говорила Стадион, стрелка вправо – Старый центр, влево – Новый центр. Для тренировки не лучшее время, тем более что отголоски пробежки по песку еще давали о себе знать. А новое всегда лучше старого, она сделала поворот влево. Такая же серая улица тянулась бесконечно. Лидия шла в спокойном темпе, надеясь отыскать крупицу чего-нибудь примечательного. Ей показалось, что за тучами лучи стали то и дело проскальзывать с более высокого угла, значит, утро: жители не заставят себя ждать. И действительно, из многочисленных переулков доносился стук открываемых деревянных ставней, а преимущественно они были на окнах, но жильцы пока не спешили на рандеву. Она покрыла приличное расстояние, наконец впереди изредка начали мелькать серые силуэты, покидающие здания и незамедлительно растворяющиеся во все еще висящей легкой мгле. Эта мгла постепенно поднималась выше, пока не зависла над крышами домов и так там и осталась, как обязательный элемент экстерьера, создавая еще один барьер на пути у природного освещения. Солнечные ванны тут проблематично принимать. Пешеходы стали встречаться чаще, уже полностью различимые со спины фигуры мужчин и женщин, преимущественно в серых плащах, спешили в том же направлении, что и она. Кто-то был с портфелем, кто-то

с рюкзаком, пакетом, сумочкой, кто-то без ничего. Ей пока не удалось рассмотреть ни одного лица. Предположительно, они все работают в Новом центре, надеюсь, там я смогу разобраться и понять яснее. Она неожиданно оказалась перед проезжей частью в четыре-пять полос в каждую сторону, разметки не было, покрытие — выкатанная до блеска, становящаяся привычной брусчатка. На противоположной стороне располагался блеклый квартал Нового центра. Об этом говорил бигборд с видом сверху на правильный прямоугольник, образованный зданиями. Короткая сторона, к которой вышла Лидия, была в длину около двух километров. По периметру Нового центра к нему выводило бесчисленное количество улиц-ручейков, приносивших и уносивших массы трудоспособного населения каждый день. Дорога в десять полос опоясывала квартал, как защитный ров, транспорта пока было немного, хотя автобусы проезжали чаще и чаще. Сами строения квартала были очень скучными, от них так и отвращало бюрократией и подавлением воли. Во входах недостатка не было, и везде это были высокие деревянные двери с массивными металлическими ручками, двойные, внутрь и наружу. Идея обнаружить тут что-нибудь, что поможет с прогрессом в пути, уже казалась сомнительной, но вариантов не было, и она зашагала к пешеходному переходу невдалеке, разметка которого была еще не до конца стерта. Людские шеренги сбивались кучнее, с такими темпами скоро тут надо будет протискиваться в толпе.

На подступах к переходу Лидия поймала взгляд женщины лет пятидесяти, одетой просто и опрятно, которая торопливо шла навстречу. Одна из бесчисленных служащих квартала отшатнулась и прижала к себе потертую сумочку из плотной ткани, где ключевой элемент содержимого, судя по силуэту, составлял обед. Она, не отрываясь, сверлила Лидии зрачки.

— Твои глаза! – Женщина, не сдержавшись, очень явственно озвучила впечатление, овладевшее ею целиком. Один за другим прохожие начали замирать, увидев то же, что и она. Образовывался затор. Кажется, что такая концентрация зарева софитов тут не принесет чего-то хорошего. Лидия, отвернувшись, в полном смущении, смятении и некоторой боязни, перебежала дорогу. До нее доносилось живое обсуждение увиденного стихийным митингом позади, но суть не улавливалась. Торопливо пройдя в одну из внутренних улиц Центра, она остановилась перед первым же попавшимся окном, где можно было как-то рассмотреть свое размытое отражение. Она старалась найти на лице, особенно в области глаз, то, что вызвало такой ажиотаж, но все было в порядке, лицо как лицо, глаза как глаза. Иду, не отклоняясь, потом соображу. Эта внутренняя улица была узкой и темной, здания с трудом запускали сюда серость дня. Дальше она становилась немного шире, Лидия углубилась в квартал. Можно было подумать, что блуждаешь среди улочек какого-нибудь южного европейского старого города, окруженного современной застройкой. Только камни тут были не древние и

не светлые, подогретые солнцем, порождающие эффект ароматерапии на основе смеси бриза Средиземного моря и запаха повсюду нависающих на ветвях насыщенно ярких цветов. Они не придавали визуальной легкости, а вывески контор и учреждений над каждой дверью старательно отгоняли прочь ощущение отдыха и покоя. Все давило на человека, отбивая малейшее желание поднять голову к небу.

Она прошла мимо еще десятка однообразных длинных зданий и вышла на приличных размеров строго прямоугольную площадь. Ни деревца, ни скамейки, ни хотя бы аскетичного фонтанчика. Суждено истуканами стоять в толпе и послушно внимать, как можно догадаться с высокой долей вероятности, потоку лицемерия и лжи, исходящему точно вот из того здания во главе этого каменного стола. С колоннами, поддерживающими треугольную крышу, на которой виднелись непонятные блеклые гербы, оно явно служило местом сборища авторов такого потока, не желавших и пальцем о палец ударить, но страждущих не отказывать себе ни в чем, прожигая жизни, несущие горе другим, высоко над облаками каких-либо правил или принципов. Но тут ничего нового или увлекательного не было, а вот едва заметная деталь на противоположной стороне площади привлекла ее интерес. Там стояла тележка, от которой вверх трудно заметно, но постоянно, устремлялась струйка пара. Фасад у нее был выцветший бордовый, за ней стоял человек в оливковом с пятнами фартуке. Это же местный фастфуд, ждет обеденно-

го времени, чтоб немного заработать. Мысль о теплой, желательно приятно ароматной еде сама по себе вызвала чувство голода, которое до сих пор не обнаруживало себя. Лидия решила узнать, можно ли немного перекусить в кредит или на каких-либо других условиях, так как, естественно, денег у нее не было, и она понятия не имела, какая валюта тут в ходу. Пересекши площадь, она, приветливо улыбаясь, поздоровалась со средних лет продавцом, который даже не удосужился взглянуть на нее. Он усердно рассматривал охапку бумажек, небрежно разложенных на его стуле. Казалось, это были разные счета, и он не источал счастья. Радушия покупателю ждать не приходится, но выбора у меня нет.

— Подскажите, пожалуйста, что у вас самое вкусное сегодня? – демонстрируя улыбку, очень бодро спросила Лидия.

— Классические хот-доги, как всегда, – не поворачиваясь ответил мужчина, но она это и так по запаху уже определила.

— Почем?

— Как и везде: четыре стотысячных.

Интересно, четыре стотысячных чего, сейчас при оплате узнаю, к торгу готова.

— Сделайте, пожалуйста, один со всеми соусами, – Непринужденно, по крайней мере, ей хотелось, чтоб это было так, прозвучала просьба.

Нельзя сказать, чтоб продавец бросился ее выполнять. Он довел пальцем до последней строки счета, попялился в никуда немного, неторопливо снял металлические, замаслен-

ные щипцы с держателя. Крышек для контейнеров с сосисками на тележке было две, он приоткрыл ближнюю к Лидии, затем контейнер с булочками в левой от него части тележки. Достал булочку, выловил щипцами сосиску, засунул в булочку не слишком аккуратно, полоска горчицы, полоска кетчупа, не как для себя, а как на продажу, отметила, что перчатки для такой работы тут не предусмотрены. С полки тележки перед собой он вытащил бумажный конверт длиной в три четверти хот-дога, осуществил вложение и протянул готовый перекус клиентке. При этом правой рукой он уже снимал с крючка на тележке внешне незамысловатое устройство, похожее на палочку с кружочком для мыльных пузырей, которые она часто пускала в детстве и которые не утратили популярность среди детей и по сей день. Однако ручка у устройства была подлиннее, на ней находились дисплейчик и несколько кнопок. Лидия взяла хот-дог, а он поднял устройство перед ней на уровне головы.

— Простите, мне нечем платить, можно ли взять в долг? Вы не знаете меня, но я обязательно верну, – как можно вежливее и убедительнее начала она.

Продавец, взглянув на нее теперь уже пристально, резко изменился в лице и с выдохом удивления отпрянул назад.

— Это вы меня простите, госпожа. Очень тяжелый период, но вы в курсе. Нагрянула пора выплат, я совсем растерялся. Такое больше не повторится! Не могли бы вы вернуть мне его, я вмиг переделаю все надлежащим образом.

Она не ожидала такого поворота и неуверенно протянула хот-дог обратно. Он забрал его и спрятал где-то внизу. Затем повторил предыдущие операции. Изменилось то, что на этот раз тщательно выбрал булочку покрупнее, а сосиску достал из ближнего к себе контейнера, она как минимум на вид очень отличалась по качеству. Зелень, какие-то овощи, соусы стали разнообразнее, все было аккуратно упаковано, дополнительные салфетки приложены, теперь это уже было стрит-фуд искусство. Все еще настороженно она взяла этот хот-дог.

— Молю об одолжении, пожалуйста, не могли бы вы оплатить сразу, а не в кредит. Для вас это сущая мелочь, а для меня, как видите (он кивнул в сторону бумажек на стуле), это будет огромной выручкой. – Он снова с надеждой взял странное устройство.

— Я бы и рада заплатить, но как?

Он подумал, что это какая-то игра, где его хотят надуть, но оплата была действительно нужна.

— Вы же знаете, никаких усилий, просто быстрый взгляд, вот сюда. – Он указал на кружочек, заискивающе-нервно улыбаясь.

— И все? Тогда без проблем. – Она тоже уже считала, что участвует в игре.

Он поднял устройство, она посмотрела в кружок и сразу же заметила, как зеленая кнопка на ручке мигнула.

— Вот, ровно четыре стотысячных. Премного благодарен,

вы спасли меня. Может, возьмете мою визитку? Вам точно будет очень вкусно, я еще могу пригодиться.

Стоит отметить, что тут это было общепринятой практикой. Все отчаянно старались завлечь пару-тройку постоянных зажиточных клиентов, тогда они могли бы выжить. Подобные торговцы уличной едой, которая понравилась нужным толстосумам, могли потом получать приглашения на обслуживание их празднеств, а это уже был джекпот. Вдруг перед ним стоит удача.

Она держала визитку в руке, пытаясь не помять, но мысленно уже представляла ее полет в первую попавшуюся урну.

— Простите, у меня тоже сегодня странный день, не выспалась. Как я заплатила вам?

Нервная улыбка не сходила, так как он все еще ждал подвоха, но решил подыгрывать до конца.

— Очень просто, как всегда. Рассказать научным языком, как все работает, я не смогу, но я поднес сканер, вы посмотрели, он считал и забрал ровно четыре стотысячных сияния.

— Сияния моих глаз? – начиная осознавать, переспросила Лидия.

— Именно, все, как всегда, все честно.

— Не сомневалась в вас, большое спасибо, хорошего вам дня!

— И вам наилучшего дня, огромное спасибо! – Он выдохнул на этот раз с облегчением, когда она развернулась и начала удаляться. Волновался зря.

Она решила пересечь площадь, двигаясь в том же направлении, что и до этого, вглубь. Может, остановлюсь там, пожую, осмыслю все. Сама себе не могла объяснить этого внутреннего напряжения, казалось, что лоб покрылся испариной, в животе то и дело метались холодки. Она не чувствовала себя вообще, и все вокруг тоже смазалось, природные инстинкты заставляли ее шагать. Незаметно очутилась у продолжения улицы с противоположной стороны площади. Нельзя так переживать, уже ж поняла, что будет удивительно, непонятно, неожиданно, нельзя мне так теряться. Лидия постояла на углу ближайшего дома, съела бесспорно превосходный хотдог, аккуратно, но чуть-чуть запачкала пальцы, вытерла их. Урн поблизости не нашлось. Она скомкала упаковку и салфетки в маленький шарик, чтоб было удобнее держать, выкинет позже. Медленно бредя дальше по улице, она пыталась сосредоточить мысли на том месте, которое открывала для себя, как тут все устроено, какие шаги надо предпринять. Шри-Ланка, пустыня, теперь этот город, необъяснимые переходы, все как будто такое же, но при этом постоянно попадаются разительные странности. Но ничему удивляться я не должна. Расширить бы знания, может, это другие миры или параллельные реальности, столько фантастики постоянно смотришь, читаешь, вдруг чье-то воображение угадало. В этот раз расспрошу ее как следует, когда выберусь. Теперь также становилось яснее, почему у пешеходного перехода женщина так отреагировала, и собралась толпа. Надо

посмотреть, какие у местных глаза, и пообщаться еще с кем-то, выведать, как не привлекать к себе ненужного внимания. Ну и способ оплаты у них тут, надо хорошенько разобраться.

Во время обеда часть работников в Центре обычно выходила на разные площади, которых тут хватало, выбирала торговцев уличной едой по душе и проводила эти драгоценные минут двадцать хоть на шаг в стороне от рутины. Но это те, не окончательно потерянные, чей мозг еще позволял им мечтать, а остальные просто жевали.

Она неожиданно попала на одну такую невзрачную площадь. Концентрация тележек предвещала близкий перерыв в работе, их тут пять стояло, что уже очень стесняло пространство. Она быстрым движением набросила капюшон своей легкой тканевой водоотталкивающей курточки, которую надела поверх футболки, когда попала в театр. Не останавливаясь, скрылась в проулке, но далеко не отходила, решила подождать.

Очень скоро захлопали входные двери, и однообразные служащие постепенно сначала занимали места в очередях у тележек, а затем рассредоточивались по группкам в разных частях площади. Они с тем же успехом могли бы расходиться и по одному, так как никакого выраженного общения внутри группок не происходило, челюстями работали молча. Свободного места становилось меньше, теперь слиться с ними там было проще простого. Она спокойно начала прохаживаться по площади, иногда делая вид, что направляет-

ся к колонне ожидающих или к уже обедающим. Для окружающих ее не существовало. Она пыталась вслушаться в отдельные фразы, слова, но произносились лишенные смысловой нагрузки дежурные заказы или приветствия. Она быстро сообразила, что добьется результата, лично разговорив кого-то. Внедриться через покупку еды и примыкание к кому-то невзначай — обречено на провал, при оплате поднимется шум. Открыто общаться тоже не выгорит. Она уже начала замечать отличие между ними и собой, когда то и дело пробегалась взглядом по их лицам. Глаза у всех были блеклые и измотанные, даже не серые, бесцветные до прозрачности, и белки не белые, только очень-очень глубоко в зрачках были миниатюрные черные точечки. Она побаивалась всматриваться полностью, вдруг там кожа изнутри или хуже, мозги видно, бееээ, противно, не быть мне доктором.

Лидия приметила народец, который вышел раньше других и теперь они откусывали реже, позволяли себе перекинуться отдельным словом. Там было меньше десятка мужчин и женщин, учитывая остальных вокруг, они не должны были насторожиться, если она аккуратно приблизится. Вот она уже стояла, дыша им в затылки, отсюда до двери ближайшего здания всего пара шагов, наверное, они собирались и возвратиться первыми. Начать аккуратно, не выдавая себя, естественным образом втянуть в беседу, желательно, их между собой. Может, универсально тут работает:

— Сегодня, кажется, туч поменьше, скупо проскакивало

солнышко утром, – не снимая капюшона и делая вид, что смотрит в небо, развернувшись от них, обыденно заметила она. Мужчина, стоявший спиной к ней, дожевывая стремительно сиротеющие кусочки своего неэксклюзивного хот-дога, буркнул:

— Нет, тучи как тучи, солнца не было.

Еще один напротив него, чуть постарше, откликнулся с неожиданной долей разочарования и надежды:

— Вы тоже видели? Мне на мгновение показалось, что стало яснее, когда подходил к работе.

Этот доедал сложенную лепешку, скупо смазанную овощной жижей, в которой терялись скудные тончайшие волокна курятины для создания иллюзии. Женщина, поопытнее этих обоих, находившаяся справа от бурчащего и уже вытиравшая пальцы и рот после бургера, показавшегося бы пиром мужчине с лепешкой, утвердила ровным тоном:

— Нет, тучи не расходились, были плотные, как всегда.

И молчание, которое она не могла себе позволить. Если затянется, то момент потерян.

— Ну хотя бы хот-доги по четыре стотысячных сегодня съедобные, – снова попыталась она.

Бурчун не остался в стороне.

— Соуса маловато, сосиска получше, не четыре с половиной, и уже хорошо, могли б и до трех с половиной снизить.

— Да, цена страаанная, – немного растягивая слова, поддерживала она и с мечтательной усмешкой продолжила. –

Вот если б можно было платить бумажками.

Съевшая бургер хмыкнула.

— Еще скажите вовсе не платить, бесплатная вечность.

— Эххх, – разочарованно, но смиренно выдохнул доевший лепешку.

К этому времени вся группка закончила обед, не говоря дальше ни слова, они повернулись, пошли к двери и скрылись за ней один за другим.

Зря трачу тут время, если застряну до ночи, то без теплого местечка сильно замерзну, наверняка сыро, до костей проберет, болеть не хотелось бы. Не сильно расстроившись, Лидия направилась дальше по уже выбранной улице, рассчитывая все-таки понять, что необходимо сделать, в ином случае — найти ночлег.

Сейчас ей постоянно попадались заходящие после обеда в двери люди, их было скучновато наблюдать, как и декорации вокруг.

Через значительное время она вышла предположительно к центру Центра. Это была самая масштабная площадь из всех, что ей попадались. Тут целый город людей поместится. Внешне она отличалась от других тем, что все здания по ее периметру были с колоннами и на несколько этажей выше. С каждой стороны стояли по три массивных флагштока высотой метров тридцать. Странно, что никаких возвышающихся стационарных трибун. И пустынно, ни души, изредка где-то мелькали фигуры, перебегавшие из подъезда в

подъезд. Ничего интересного. Она повернула направо, прошла вдоль площади и решила держаться этого направления. Уже заканчивался рабочий день, она встречала больше людей, замечала, как они выходят, безусловно, теперь домой. Дело к вечеру, где б поспать, и есть уже снова поднывало, но никакие тележки не попадались. Надо ретироваться отсюда, разведать другие районы, там что-нибудь должно быть. Она ускорила шаг, и теперь с головой, нагнутой слегка вниз, укрытой капюшоном, стала естественной каплей, подхваченной ежедневным отливом. Новый Центр пустел. Стало темно, когда она наконец вышла к широкой дороге, окружающей его. Перешла, на зданиях попадались неяркие вывески, доски объявлений, теперь она всматривалась в них очень внимательно. Изредка предлагалась работа, просили помощь в поиске пропавших, что-то продавали-покупали, оказывали услуги, приглашали присоединиться и еще море всякой всячины. Но горячее всего она надеялась увидеть вывеску отеля или объявление на доме, где прямо там сдавалось бы жилье, пока безуспешно. Вдруг она поняла, что дико хочет в туалет по-маленькому. Ни идти дальше, ни терпеть было невмоготу. Она быстро завернула в ближайший переулок, людей не было, а тишина вызывала подозрения, что здесь никто не живет. Мысленно извинившись перед всеми, оправдываясь перед своей совестью невероятностью положения и безвыходностью, она сделала это под стенкой ближе к крыльцу. Как следствие, без стресса и шагается бодрее. Она не прекраща-

ла поиски. На досках попадались варианты аренды жилья, но телефона позвонить у нее не было, и как найти тут указанные адреса, она тоже не представляла. Так прошла ночь. Она бродила по улицам, выбирая случайные направления, часто приходилось греться пробежкой, ночлег нельзя было найти. Губы пересохли, мучила жажда, пальцы окоченели, она очень замерзла, особенно похолодало перед рассветом. Все ее существо было сконцентрировано на фантазиях о горячем супчике. Однако она также заметила, что кварталы меняют свой облик. Начали появляться не такие ровно каменные дома, они кренились, участились выбоины на стенах и углах. Уже многие постройки из дерева, тоже не в очень хорошем состоянии, требующие ремонта крыши, сорванные водостоки, дырявая ткань или картон, покрывающие окна либо двери. Походило на то, что она приближалась к трущобам. Когда начало восходить солнце, она оказалась на грунтовой площади. Часто оседающая вниз мгла, туманы, дожди, но, собственно, они на удивление были тут редким явлением, превратили такое покрытие в постоянную яму грязи, которую накрыла решетка дорожек из досок, подобранных и сколоченных хаотично. Такие дорожки не помогали пройти, не испачкавшись, как минимум, до щиколоток, они только позволяли не увязнуть. Центральную часть занимали два павильона, крытые темно-коричневым брезентом. Вокруг них, пытаясь образовать ряды, были разбросаны многочисленные прилавки, открытые и закрытые. Некоторые из них были просто метал-

лическими столиками с дополнительной полкой посередине, краска на всех безуспешно держала оборону перед превосходящей ржавчиной. Это должен быть рынок. Лидия решила пока не идти дальше, дождаться открытия базарчика, тут будут еда и питье, ей есть чем платить, и сильно прятаться в суетливой среде не требуется. Справа на углу дома оказался сухой островок. Она быстро нашла бесхозный деревянный ящик, умостилась на нем, оперевшись спиной о стену, скрестила руки на груди, решила, что даст зрению отдохнуть, чтоб не перенапрягать его.

Она проснулась от резкой боли в колене. Да, природа взяла свое, не успев закрыть глаза, так сразу и отключилась, организму требовался глубокий сон, даже если недолгий. Она схватилась за ногу, но сдержалась и не закричала, издала громкое мычание, чтоб выпустить пар. Кто-то задел ее сумкой с покупками. Они тут кирпичей набирают, что ли! Она еще раз потерла и сжала чашечку, идти можно. Встав, она поняла, что, скорее всего, проспала не один час. За прилавками стояли продавцы, товары разложены полностью, посетителей не много и не мало, в павильонах тоже движение. То там, то тут грузчики подвозили еще. Они использовали грузовые санки разной величины, неудивительно, ведь при такой грязи никакие колеса не прошли бы. В дальний павильон круговорот людей пожиже, Лидия решила попробовать купить чего-нибудь пожевать и попить там. Если снова бу-

дет бурная реакция при оплате, то шумиха не случится такой масштабной. Как же надоело постоянно облизывать губы. Растрепанные широкие полосы брезента висели во всю высоту дверного проема, раздвинув их, она, не торопясь и подражая другим в любопытстве к представленному ассортименту, начала передвигаться от прилавка к прилавку. Пока еще капюшон гарантировал спокойствие. Странное товарное соседство: шоколад, халва, масло, рыба, соленья, обоняние пребывало в шоке и под влиянием изголодавшегося желудка выдавало настойчивое повонавание за шарм, присущий изысканным деликатесам, понимания которого приземленным личностям не суждено достичь. В павильоны можно было зайти с обеих сторон, и у второго выхода она заметила пожилую женщину, которая на переносном складном столике продавала яблочный сок и духовые пирожки. Они были пустышками, без начинки, испеченные из нижайшего качества смеси муки с пылью. Но ей казалось, что самый изысканный круассан — это черствый сухарь по сравнению с такой прекрасной выпечкой. Должно быть, эта старушка — мастер своего дела. Если бы не голод, то она сразу поняла бы, что вершиной кулинарного таланта продавщицы было умение выложить трехъярусную пирамидку из этих недобулочек.

— Доброе утро. — Лидия стояла перед столиком, не поднимая головы. – Можно, пожалуйста, два пирожка и стаканчик сока?

Справа от продавщицы находился стульчик со стограммовыми жестяными кружками для напитков. Нельзя думать о том, как и после кого их моют, надо пить залпом.

— Доброе, смотри, пьешь не отходя, знаю я таких, на вас, резвых, кружек не напасешься.

— Я и не думала убегать с ней, зачем, я хочу сока, а не металлолом сдавать.

— Да-да, рассказывай байки. Две стотысячных. – Она не до конца наполнила кружку из графина, и, пока не передавала ее, ждала оплаты. – Пирожки сможешь выбрать сама.

— За все?

— Мало? Могу накинуть цену.

— Нет, сходная, все-таки не ресторанная подача. — Попытка расположить к себе подобием шутки отклика не нашла.

Устройство, знакомое после покупки хот-дога, остановилось рядом с капюшоном. Лидия выпрямилась и приподняла его рукой, чтоб тень не падала на радужную оболочку. Оплата прошла, о чем сигнализировал такой же зеленый индикатор. Старушка не двигалась секунд пять, убеждаясь, что зрение ее не подводит. Затем резко убрала терминал в карман, потерявшей какую-либо презентабельность поеденной молью вельветовой куртки.

— Что забыла тут? – грубо и надменно спросила она.

— Я хочу есть и пить, я оплатила, – приглушенно и непоколебимо ответила Лидия, они даже не успеют сообразить, я

буду далеко, если рвану моментально.

— Справедливо, а потом проваливай к своим, нечего тут вынюхивать. – Очевидно, что продавщица тоже не желала шума. Ей надо было продать и заработать, хотя никаких ограничений в виде срока годности тут не стояло, но заработать важно было каждый день. Если закричать, то разборки закроют торговлю на сегодня.

Лидия, не присматриваясь, взяла два верхних пирожка в одну руку и, перегнувшись через укороченную пирамиду, сок во вторую. Откусила и сделала глоток.

— У меня нет своих. – Она прожевала и откусила с еще большей жадностью. Спокойствие и серьезность тона были замечены, и старушка придержала грубость, ожидая продолжения от покупательницы.

Терять нечего, спрошу. Пошел второй пирожок, еще есть полкружки, старалась распределить на оба.

— Подскажите, пожалуйста, есть ли рядом гостиница, или, может, вы знаете кого-то, кто сдает жилье? – Вежливость не сделает хуже.

Среди всех въедающихся ароматов под этим куполом только тот, что предвещает наживу, раздвинул ноздри старушки пошире, и она быстро, шумно вдохнула через нос с узнаваемым звуком проходящего насморка. Тут была выгода, не упустить бы. Надо убирать ее отсюда.

— Шевели челюстями быстрее, натяни капюшон, допивай, давай сюда. – Она торопливо выдернула кружку, а там на

дне еще оставалось! Но Лидия и так чувствовала себя бодрее. – Вон и стой рядом, я догоню.

Продавщица попросила соседей присмотреть за товаром в ее отсутствие. Вышла, не говоря ни слова, схватила ее под локоть и проворно поволокла за собой между рядами, как провинившуюся. Никто не обратил внимания. Они быстро покинули рынок и, пройдя пару кварталов, свернули влево во внутренний двор. Лидия успела заметить провисшую проволоку для сушки белья, натянутую между голыми, погибшими деревьями. Несколько поломанных игрушек валялись в дальнем углу у пристройки, которая смахивала на сарай. На его засове громоздился увесистый железный замок, и окна были зашиты ржавыми металлическими пластинами. Два входа в подъезды, один прямо, второй слева, к каждому ведет осыпающееся бетонное крыльцо без навеса, сиротливые опоры пока торчали. Где-то на земле остатки песка, смешанного с грязью. Они уже заходили в подъезд прямо перед собой. Наивно было ожидать тут тепла и успокаивающего запаха домашней готовки. Продавщица ловко добралась до ключа во внутреннем кармане, наверное, третьей юбки. Сколько их на ней?! Квартира, в которую они пришли, находилась на первом этаже, напротив была еще одна. Ключ провернулся три раза, и они оказались в темном, тесноватом коридоре.

— Я тут живу, побудь, пока не закончится рабочий день, потом решим, как с тобой быть. На кухне найдешь питьевую воду, ею не увлекайся, и пирожки там есть. Оплатишь все,

когда вернусь, я знаю, сколько там штук.

Она сделала шаг наружу и закрыла дверь, ключ повторил обороты в обратном направлении. Надежнее оставить ее взаперти, и надо поспешить обратно, чтоб не терять дневную выручку. Женщина мыслила недоверчиво и прагматично.

Им тут не до учтивости, выживают, как могут. Лидия не чувствовала себя пленницей, ей было любопытно узнать, как по-настоящему устроен быт людей в этом городе. А еще она жаждала, не мешкая, добраться до воды и напиться вдосталь. Коридорчик был коротким, свет из окна в комнате украдкой заглядывал сюда, никакого зеркала, подставки для обуви, ничего, кроме самой обычной вешалки для одежды, пара гвоздей в стене держали планку с крючками. На один из них она повесила куртку. Разулась, пол был из досок, краска на которых в основном облупилась. Но его постоянно мыли и подметали, продавщица старалась поддерживать чистоту. Квартира была, по сути, студией, где все располагалось в одной комнате. Слева стояли три тумбочки одинаковой высоты, которые намекали, что когда-то были светло-голубыми. Это и есть кухня, вот пластиковый графин с водой, рядом уже знакомая кружка, но вместительней. Она быстро наполнила ее до половины, и еще быстрее опустошила. Усталость не способствовала любопытству, поэтому не просыпалось вдохновение всматриваться в детали интерьера. При беглом осмотре она отметила, что за дверками средней тумбочки стоял газовый баллон, шланг от него поднимался к конфоркам на

этой же тумбочке. Два регулярно моющихся окна давали достаточно освещения и увеличивали визуально размер комнаты. Они обозревали тот внутренний двор. Отрезок стены между ними был сантиметров пятьдесят-семьдесят в ширину. У левого окна находился рабоче-обеденный прямоугольный стол с двумя придвинутыми стульями. Напротив кухни была аккуратно заправленная односпальная кровать с одной подушкой. Там же рядом с кроватью ближе к дальнему от окна углу стояло старое, но на вид удобное широкое кресло. Справа от Лидии у стены была еще тумбочка для одежды и межкомнатная дверь в совмещенный санузел. Над всем пустым пространством по центру болталась на очень коротком проводке одна лампочка. Сейчас доминирующе важным было то, что ничего не мешало ей занять честно отработавшее многочисленные сроки эксплуатации кресло. Притягательная дежурная пирамидка пирожков на тарелке возле воды не вынудила ее заколебаться. Решение было автоматическим, она свернулась в кресле калачиком, положив голову на мягкий подлокотник. Укрыться было нечем, но и так сойдет. Странным образом она начала согреваться. По сравнению с ящиком на углу на базаре это райские условия. Она равномерно засопела в окружении этой устаревшей опрятной простоты, наконец-то предавшись отдыху от напряженности, холодности и потерянности.

Надоело ее расталкивать.

— Проснись, будет время поваляться, у таких, как ты, оно всегда есть.

Лидия медленно возвращалась в реальность. Она села быстро, с широко открытыми глазами и не смогла сдержать всеохватывающее зевание до слез. Пришла в себя. Рабочий день закончился, темнело, продавщица вернулась домой.

— С тебя три стотысячных, и, не увиливая, расскажешь мне все, – ультимативно заявила она.

— Это дороже, чем пирожки и сок, так нечестно!

— Это чистая вода, я еще и скидку тебе делаю.

Оплата успешно прошла.

— Теперь все по порядку, бери стул, кресло мне нужнее, я работала. Садись и начинай. – Она расслабленно раскинулась, полулежала, а Лидия взяла один из стульев и села напротив.

— С чего начинать?

— Как тебя зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.